

РУССКИЙ ПУТЬ: АПОЛОГИЯ НИКОЛАЯ ДАНИЛЕВСКОГО

Деятнадцатое столетие по праву именуется «золотым» веком русской культуры. Мировое признание получили достижения нашего национального гения в литературе, музыке, живописи. В то же время предполагалось, что в такой специфической области знания как философия, главные успехи России хронологически связаны с началом XX века. Да, и они вторичны по отношению к западноевропейской философии, особенно к немецкой метафизике. Известный американский историк Мартин Малиа (Martin Malia), даже утверждал – каждая русская идея имеет предшественника и аналог на Западе. Между тем, в такой специфической области, как историософия, Россия, в лице Николая Яковлевича Данилевского, на полвека опередила западную мысль, создав новую концепцию философии истории.

К сожалению, русское общество второй половины XIX века, которому мир виделся черно-белым, наподобие шахматной доски, относило его к категории «реакционных проправительственных идеологов», служивших, по выражению Владимира Соловьёва, «фальшивым притязаниям национализма». Но, если либералы в императорской России, хотя бы пытались вести дискуссию, то в советское время Данилевского просто запретили, ибо как сообщал энциклопедический словарь 1984 года, его идеи «оправдывали великодержавно-шовинистические устремления царизма».

Ко всему прочему, во времена борьбы с генетикой его причислили к противникам «мичуринской биологии». А так как интеллектуальных ресурсов для опровержения концепции Данилевского не хватало ни у либералов XIX века, ни у марксистов XX, его предпочли «забыть», что дало повод Василию Розанову отнести Николая Яковлевича к категории «литературных изгнанников».

Однако случилось нечто, что заставляет вспомнить известное выражение К. Маркса (Karl Heinrich Marx) об «иронии истории», в данном случае, истории общественной мысли. В 1918 году вышла в свет и вскоре получила всемирную известность книга Освальда Шпенглера (Oswald Arnold Gottfried Spengler) «Закат Европы», повторившая основные положения историософии Данилевского. Русский учёный получил статус «предшественника Шпенглера», а его имя вошло в «интеллектуальный набор» западной академической науки, а с конца 80-х годов XX века вновь обрело известность на Родине.

Николай Яковлевич Данилевский родился 28 ноября (ст. стиль) 1822 года в селе Оберец Ливенского уезда Орловской губернии. Предком его был казачий сотник Данила, в доме которого перед Полтавским сражением останавливался Петр Великий. Потомками Данилы были известный

беллетрист Григорий Петрович Данилевский, которому из-за фамилии и родства довелось оказаться подследственным по делу Петрашевского, и поэт Владимир Маяковский. Отец Данилевского – Яков Иванович – заслуженный генерал, участник войны с Наполеоном, мать – Дарья Ивановна Мишина – происходила из семьи орловских дворян. По всей видимости, к семье Мишиных принадлежал герой знаменитой обороны крепости Осовец прапорщик Мишин (Бобков В.А. Дворяне Данилевские и Мишины на ливенской земле // Творческое наследие Николая Яковлевича Данилевского и его значение для научной мысли России и Крыма. Материалы международной научно-практической конференции, г. Симферополь, 21 – 23 мая 2015 г. Симферополь, 2015. С. 262 – 270). Нельзя не отметить, что маленький Ливенский уезд был родиной знаменитого губернатора Москвы Фёдора Растопчина и философа о. Сергия Булгакова.

После учёбы в нескольких частных пансионах, отец поместил Николая Яковлевича в известнейшее учебное заведение Российской Империи – Царскосельский лицей. Одновременно с Данилевским, там обучались будущие министры Н.К. Гирс, А.В. Головнин, М.Х. Рейтерн, Д.А. Толстой, будущий академик К.С. Веселовский, литераторы Л.А. Мей, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.Д. Ахшарумов, М.Н. Лонгинов, революционер М.В. Буташевич-Петрашевский. В лицее Данилевский сблизился с Н.П. Семёновым, в дальнейшем крупным деятелем эпохи «великих реформ», а затем подружился с его братом П.П. Семёновым-Тян-Шанским. Без всякого преувеличения можно назвать Данилевского блестящим учеником. В пятнадцать лет владел латынью, английским, французским и немецким языками.

По окончании Лицея Данилевский остался в Петербурге, поселившись со своими друзьями Н.П. Семёновым и А.Н. Серовым (известным музыкантом, отцом художника Валентина Серова). В том же году он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. П.П. Семёнов-Тян-Шанский вспоминал о своём друге этого времени: «После выпуска из Лицея он не удовольствовался полученным им образованием и захотел дополнить его университетским. В университетские годы произошла в нем резкая перемена: из человека консервативного направления и набожного он быстро перешел в крайнего либерала сороковых годов, причем увлекся социалистическими идеями и в особенности теорией Фурье. Данилевский обладал огромной эрудицией: перечитали мы с ним кроме книг, относившихся к нашей специальности – естествознанию, целую массу книг из области истории, социологии и политической экономии, между прочим все лучшие тогда исторические сочинения о французской революции и оригинальные изложения всех социалистических учений (Фурье, Сен-Симона, Овена и т.д.)» (Русские мемуары 1826 – 1856 // Семёнов-Тян-Шанский. Биографический очерк. Детство и юность. М., 1990. С. 477). В стенах университета состоялось очень важное, для обоих знакомство, Данилевского с Николаем Николаевичем Страховым. Впервые Страхов увидел Данилевского в 1847 году. «Между

студентами, – вспоминал он, – вдруг пронёсся говор: «Данилевский, Данилевский!» – и я увидел, как около высокого молодого человека, одетого не в студенческую форму, образовалась и стала расти большая толпа. Все жадно слушали, задавали вопросы, а он отвечал и давал объяснения. Дело шло о бытии Божиим и о системе Фурье» (Страхов Н.Н. Жизнь и труды Н.Я. Данилевского // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. XXII). В дальнейшем Страхов сделал, как никто другой много для издания трудов и популяризации идей своего друга. Важно отметить, высококачественное гуманитарное образование, даваемое Лицеумом, и естественнонаучное, университетское, определило сам способ мышления Данилевского, его интеллектуальный стиль, соединив свойственный гуманитарным наукам интерес к основам бытия, со строгостью естественных и точных наук.

Обширные знания и хорошие навыки владения литературным языком, привели Николая Яковлевича в один из лучших журналов того времени «Отечественные записки». Там он познакомился с В.Г. Белинским, А.А. Краевским, В.Н. Майковым. Первой публикацией двадцатилетнего студента стало «Письмо в редакцию». Данилевский квалифицированно, с большим тактом доказал – повесть барона Бромбеуса (О.И. Сенковского) «Падение Ширванского царства», есть лишь переложение рассказа популярного в то время английского писателя Дж. Мориера (James Justinian Morier) «История шаха Мубарека и его мага». Литературный дебют Данилевского очень важен по целому ряду обстоятельств. Прежде всего, молодой автор продемонстрировал свои незаурядные знания, но, что ещё весомее, он продемонстрировал неприятие всякого рода заимствований и плагиата. Последнее обстоятельство особенно ценно, ибо в дальнейшем, Вл. Соловьёв в своей критике трудов Данилевского пытался обвинить его именно в заимствовании чужих мнений. Из статей этого времени следует отметить две работы 1848 года, напечатанные в тех же «Отечественных записках»: «Дютроше» (№ 5, 6) и «Космос» (№ 6, 7, 8). Таким образом, в шестом номере журнала публиковалось два материала молодого автора. Первая работа посвящена французскому биологу А. Дютроше (René Joachim Henri Dutrochet). В ней Данилевский впервые сформулировал важный принцип, который в дальнейшем определял его методологию как в биологии, так в философии истории. «Собирательство всяческих фактов без всякой руководящей этим собиранием идеи, не потому только ведёт к самым ничтожным результатам, что эти факты остаются без всякой группировки, без всякого обобщения и без всякой иерархической подчинённости, но и потому, что при этом самые важные факты должны остаться незамеченными» (Данилевский Н.Я. Дютроше // Отечественные записки. 1848. С. 4). Любопытно, что молодой Н.Г. Чернышевский выписал этот тезис в свой дневник. Статья «Космос» посвящена разбору знаменитого труда Александра фон Гумбольдта (Friedrich Wilhelm Heinrich Alexander Freiherr von Humboldt) того же названия. В своём тексте Данилевский, ещё молодой человек, выказал склонность к систематике выделив четыре способа изложения научной мысли: сугубо научный, популярный, прикладной и

художественный. По его мнению, немецкий учёный выбрал четвёртый способ – художественный, ибо только с его помощью возможно наиболее полно довести предмет науки до читателя, показать единство и многообразие мироздания.

Следует отметить, уже в ранних, студенческих работах Данилевский склонен к универсальным обобщениям, к индуктивному методу изучения и понимания развития материального мира.

Студентом Данилевский начинает посещать «пятницы» М.В. Буташевича-Петрашевского, где вместе с ним оказываются Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин, В.А. Милютин, А.Н. Плещеев, А.Н. Майков, Е.И. Ламанский. Увлекавшийся тогда учением французского социалиста Шарля Фурье (François Marie Charles Fourier), Николай Яковлевич стал «главным специалистом» по этому вопросу среди петрашевцев и даже хотел превратить кружок в нечто подобное научному семинару. Как отметил Б.Ф. Егоров, Данилевский был «**первый** (выделено мной – А.Е.), кто выступал относительно «организованно» и, может быть, он и сам способствовал новой организации заседаний» (Егоров Б.Ф. Петрашевцы. Л., 1988. С. 90). Довольно скучную материю фурьеристского «научного социализма» Данилевский сумел подать с яркостью и блеском. По воспоминаниям Д.Д. Ахшарумова: «...читал он лекции по системе Фурье, которые сохранились в памяти у всех присутствующих и были, по словам слушателей, очень увлекательны» (Ахшарумов Д.Д. Из моих воспоминаний. СПб., 1905. С. 37). Как тут не вспомнить Александра Герцена, утверждавшего, «счастье, что ученики его задвинули его сочинения своими» (Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 345). Данилевский, как раз оказался таким учеником, хотя и не писал специальных трудов по фурьеризму. Впрочем, как отметил И.И. Зильберфарб: «учение Фурье, в целом, Данилевский истолковал, в чуждом автору «социентарной теории» консервативном духе» (Зильберфарб И.И. Социальная философия Ш. Фурье. М., 1984. С. 329). Этическая концепция Фурье являлась, по сути, вариантом наивного рационализма и сенсуализма эпохи Просвещения. Её главный тезис сводился к утверждению – смысл любого переустройства общества в достижении счастья, которое возможно лишь при удовлетворении всех присущих человеку страстей. В записке для следственной комиссии по делу петрашевцев, Данилевский утверждал, что человек жаждет «не равенства, не свободы, а счастья» (Дело петрашевцев. М.; Л., 1951. Ч. 2. С. 290), которое достигается гармонией индивидуума со внутренним законом своей природы, а это, в свою очередь, даёт «всегдашнее довольство собою и всем окружающим» (Дело петрашевцев. М.; Л., 1951. Ч. 2. С. 292). Этика фурьеризма, диаметрально противоположная аскетическому идеалу христианства была отвергнута Данилевским, но фурьеризм, видимо, оказал на него значительное влияние. Можно допустить, что фурьеристский социализм с его «фаланстером» косвенно способствовал увлечению Данилевского русской крестьянской общиной (конечно, наряду со сложным комплексом иных причин). Впрочем, в дальнейшем, Данилевский

справедливо определил фурьеризм и близкий ему сен-симонизм, как «эксцентрические теории».

В мае 1848 года Данилевский перестал посещать кружок, что, однако, не спасло его от ареста – 15 июня 1849 года, во время научной экспедиции в Тульскую губернию, его арестовали.

Почти четыре месяца провёл Данилевский в Петропавловской крепости. Из книг у него были лишь Библия и «Дон Кихот». Именно тогда им была совершена «переоценка ценностей» и на смену утопизму социальных доктрин, пришло понимание значимости национально-государственного бытия. По свидетельству П.П. Семёнова-Тян-Шанского «пылкое увлечение Фурье уступило место спокойному анализу социалистических учений (Семёнов-Тян-Шанский П.П. Мемуары. Вып. I. Пг., 1917. С. 218). Решением следственной комиссии, Данилевского отправили в административную ссылку в Вологду, под секретный надзор полиции. Получив должность чиновника по особым поручениям, Николай Яковлевич не оставил научных занятий. За статью «О движении народонаселения в России» он получил престижную премию Жукова (учреждена купцом и энтузиастом изучения России В.Г. Жуковым), а за работу «Климат Вологодской губернии» удостоился золотой медали Русского Географического Общества. Академик К.С. Веселовский, посвятивший большую статью анализу этого труда, отмечал: «Монография о климате Вологодской губернии содержит в себе столько любопытных фактов, представляет так много новых наблюдений и обработана с таким старанием, скажу более, с такой любовью к предмету, что во многих отношениях может быть поставлена за образец монографий этого рода» (Веселовский К.С. Несколько примечаний по поводу сочинения Н.Я. Данилевского «Климат Вологодской губернии». СПб., 1853. С. 3).

Темы указанных работ свидетельствуют о широте, лучше сказать, универсальности, научных интересов Данилевского, а полученные награды показывают качество их исполнения.

Пребывание в Вологде, да ещё в качестве чиновника, конечно, не могло удовлетворить кипучую натуру Данилевского, склонного не только к теоретической кабинетной работе, но и к труду изыскателя-экспериментатора. На помощь пришло Русское Географическое Общество, по ходатайству которого относительно молодой, но становящийся известным учёный принимается в состав экспедиции под руководством знаменитого учёного Карла Бэра. Этнический немец, Карл Эрнест Бэр, или как величали его русские коллеги, Карл Максимович, оказался пламенным патриотом России. Универсальный учёный, специалист в нескольких научных отраслях, профессор Бэр сумел по достоинству оценить незаурядные способности своего помощника и доверил ему перевод своих статей на русский язык.

Во время экспедиции произошло знакомство Данилевского со ссыльным Тарасом Шевченко. В письме Б. Залесскому поэт сообщал: «Он прожил у нас только 2 месяца, и за это время я сблизился с ним до искренней дружбы. Проводивши его, я чуть с ума не сошел. В первый раз в жизни моей

я испытывал такое страшное чувство. Никогда одиночество не казалось мне таким мрачным, как теперь... Ты говоришь, что ты в своем углу сроднился со своим безотрадным одиночеством; я тоже думал, пока не показался в моей широкой тюрьме живой человек – человек умный и благородный, в широком смысле этого слова и показался для того, чтобы встревожить мою дремавшую бедную душу» (Шевченко Т.Г. Собр. соч. в 5 т. М., 1965. Т. 5. С. 339). Надо сказать, что Данилевский был не только талантливым учёным, но и популяризатором науки, чему очень способствовало его умение прекрасно излагать свои мысли и наблюдения. Так, по поводу его сугубо научной статьи «Краткий очерк уральского рыбного хозяйства» (Вестник Императорского Русского географического общества. СПб., 1858. Т. XXII.) известный историк, писатель и журналист Е.П. Карнович писал: «Предмету, самому по себе кажется весьма не занимательному, г. Данилевский умел однако придать, как по точке зрения так и по картинности сделанного им описания, ту приятную занимательность, которая весьма редко достаётся на долю статей, сущность которых не более, как ведь самая прозаическая, именно – рыбное хозяйство» (Карнович Е.П. Рецензия на соч. Н. Данилевского «Краткий очерк уральского рыбного хозяйства» // Современник 1858. № 69. С. 254).

Достижения Николая Яковлевича в изучении морской фауны южных вод России оказались столь значительны, что один из местных видов карповых рыб – елец, получил название елец Данилевского (*Leuciscus danilewskii*).

В ходе нескольких экспедиций Данилевский посетил не только юг России, но и Урал, и берега Ледовитого океана. По результатам работы им было опубликовано около двадцати статей, вызвавших значительный интерес научной общественности и государственной власти. По отчёту Данилевского «О мерах к обеспечению народного продовольствия на крайнем Севере России», правительством был предпринят ряд важных мер по хозяйственному обустройству русского Севера (см.: Балуев Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М., 1999. С. 13).

В Вологде Николай Яковлевич сочетался браком с горячо любимой им Верой Николаевной Беклемишевой (Лавровой). Увы, не прошло и года как он стал вдовцом – Вера Николаевна умерла от холеры. Внезапная смерть супруги потрясла Данилевского и усилила в нём религиозное ощущение бытия. Только через девять лет он вторично женился. Избранницей Данилевского стала дочь его вологодского друга, родственница свт. Игнатия (Брянчанинова) Ольга Александровна Межакова. Семья Межаковых была не чужда научным и литературным интересам, к ней принадлежали поэт П.А. Межаков и беллетристка М.А. Межакова (Шафранова). По отзывам современников, Ольга Александровна была замечательной женщиной, глубоко преданной своему мужу. Не будет преувеличением утверждать – успехами в своей разнообразной, крайне напряжённой, деятельности Данилевский во многом обязан жене. В октябре 1857 года Высочайшим указом Н.Я. Данилевский был назначен чиновником в министерстве

государственных имуществ в департаменте сельского хозяйства. С этого времени вся его служебная деятельность была связана с этим ведомством. Кроме того, Данилевский оказался фактическим создателем национального законодательства по рыболовству и рыбоводству в европейских водах империи. В 1884 году он получил чин тайного советника (третий класс «Табели о рангах»). Стабильное материальное положение позволило Данилевскому приобрести небольшое имение в Крыму – Мшатку, где его навещали Н.Н. Страхов, И.С. Аксаков, А.А. Фет, Л.Н. Толстой. Регулярно приезжал создатель эстонской национальной живописи Иохан Келер. В этом прекрасном имении Данилевские воспитывали пять своих детей – Николая, Григория, Варвару, Сергея, Ивана и сироту Алексея Зрелякова (подробнее см.: Галиченко А.А. Мшатка. Симферополь, 2005).

Будучи редким типом учёного, в котором прекрасный и энергичный практик удачно сочетался с великолепным теоретиком, Данилевский принял самое активное участие в борьбе с попавшим в Европу из Северной Америки вредителем, – филлоксерой, наносившей огромный ущерб виноградникам полуострова. Даже умер учёный в экспедиции, на озере Гохча (Севан) не дожив всего трёх недель до 63-х лет.

Многие потомки Данилевского продолжили занятие науками. Одним из самых незаурядных был внук Николая Яковлевича – Николай Николаевич. По утверждению хорошо его знавшего Г.Е. Шульмана, «...лучше его никто не знал Чёрное море и его фауну, природу, климат и так далее» (Шульман Г.Е. Потомки Н.Я. Данилевского // Творческое наследие Николая Яковлевича Данилевского и его значение для научной мысли России и Крыма (материалы Международной научно-практической конференции, г. Симферополь, 21 – 23 мая 2015 г.). 2-е изд., доп. и испр. Курск, 2016. С. 21). Действительно, заслуги Николая Николаевича оказались столь значительно, что в его честь назвали небольшое научное судно. Сын Николая Николаевича тоже Николай продолжил дело предков, став учёным-биологом. Его супруга, ихтиолог Анна Майорова (Данилевская) оставила интересные воспоминания «История моей жизни для моих детей» (М., 2013), которые издала в России её дочь, также учёный-биолог, Ольга Данилевская. Младший сын Николая Яковлевича Иван вторым браком был женат на Инне Николаевне фон Клаус, племяннице религиозного философа В.А. Тернавцева. Его дочь Татьяна стала монахиней (подробнее: Рау-Данилевская И.М. Быль, благородство, беды рода Перозио-Тернавцевых // Клио. СПб., 2010. № 1 (48)). Ныне потомки Николая Яковлевича Данилевского проживают в России, Европе и Северной Америке.

Будучи энциклопедически образованным человеком, Данилевский работал в разных отраслях знания, многие из которых были далеки от его специальности учёного-биолога. Это относится и к самому знаменитому труду Николая Яковлевича, знаменитой историческо-софской работе «Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» (далее – «Россия и Европа»).

«Россия и Европа» начала печататься в 1869 году, в издаваемом В.В. Кашпиревым журнале «Заря» (№№ 1 – 6, 8 – 10). Издатель хотел превратить журнал в орган пропаганды «идеи самостоятельного исторически-органического» (термин. А.А. Григорьева) развития русского народного духа (Кашпирев В.В. От редакции // Заря. 1869. С. 201). Книга Данилевского воспринималась редакцией и читателями, как манифест нового издания. Н.Н. Страхов, по воспоминаниям В.Г. Авсеенко, следил «чтобы в нём строго выдерживалась программа, заложенная Н.Я. Данилевским» (Авсеенко В.Г. Кружок // Исторический вестник. 1905. № 5. С. 433). Сразу отмечу, этот знаменитый труд есть, если так можно выразиться, методологическая и историософская революция. Прежде всего, рассматривая историю как специфическую форму существования живой материи, Данилевский в своем труде использовал в изучении социально-политической истории методологию естественных наук, что, безусловно, являлось революционным новшеством. В историософии он сформулировал радикально отличные от принятых тогда принципы исторического развития, дал новую структуру единства человечества и предсказал упадок Европы. Отвергнув догматический тезис европейской науки об историческом развитии как едином однолинейном процессе, Данилевский предложил альтернативный тезис – мировая история есть сумма развития дискретных, природно-социальных, наднациональных общностей, которые он назвал «культурно-историческими типами». Как систематик Николай Яковлевич сделал для истории примерно то же, что Д.И. Менделеев для химии (свой Периодический закон Менделеев открыл в год первой публикации «России и Европы», на что обратил внимание в 1993 году социолог В.В. Афанасьев). Важно отметить, историософия «России и Европы» не только согласуется, но и наиболее адекватна христианской философии истории, согласно которой историческое бытие есть осуществление народом, как соборной личностью, предустановленной Богом цели, т.е. реализация «замысла» Бога о народе. Не обезличивающее «растворение в человечестве», а максимальная реализация всех данных Богом талантов, как каждому индивиду, так и каждому народу, приближающая личность к Творцу, вот подлинная цель исторического бытия.

«Россия и Европа» – значительный по объёму труд, разделённый на семнадцать глав, в котором рассмотрено множество тем, но осевой, безусловно, является, тема бытия России и славянского мира. Историческое развитие определяется, по мнению Данилевского, пятью основными законами –

1. «Всякое племя или семейство народов, характеризуемое отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою для того, чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий, – составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно

вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества».

2. «Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью».

3. «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает её для себя при большем или меньшем влиянии чуждых ему предшествовавших или современных цивилизаций».

4. «Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, – когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государств».

5. «Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределённо продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу» (Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 77 – 78).

Культурно-исторический тип эндемичен и, как природная общность, проходит витальный цикл (юность, зрелость, старость), уступая место новым типам. Всего, по мнению Данилевского, история знала десять культурно-исторических типов – египетский, китайский, ассирийско-вавилонско-финикийский, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, ново-семитский или арабийский, германо-романский или европейский. Некоторые культуры, по разным причинам, так и не смогли развиваться в самобытный культурно-исторический тип. Из указанного следовало, что «задача человечества состоит не в чём другом, как в проявлении, в разные времена и различными племенами, всех тех особенностей, направления которых лежат виртуально (в возможности, *in potentia*) в идее человечества» (Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 98).

Всякое общество, считал Данилевский, реализует себя в одной или нескольких из четырёх существующих сфер бытия – религии, культуры (искусство, наука, философия), политике, общественно-экономической организации. По мере накоплений человечеством знаний молодые культурно-исторические типы становятся всё более сложными. В перспективе, надеялся Данилевский, складывающийся славянский тип сможет реализовать себя во всех четырёх сферах. Таким образом, историческая концепция Данилевского есть христианизация историософии, где, человечество сохраняя своё единство, не превращается в безликий унифицированный человек (термин А. Зиновьева), а существует в разнообразии племён, народностей, наций и рас, сохраняя индивидуальность и различия как источник развития. Иначе говоря, Данилевский не отменяет

единство рода человеческого, но даёт ему новый вариант структурного единства, принципиально отличный от положений современной ему исторической науки.

Из своей историософской концепции Данилевский сделал конкретные политические выводы, которые можно определить, как демократический панславизм. По мнению Николая Яковлевича, идёт процесс складывания славянского культурно-исторического типа. Для того, чтобы этот новый культурно-исторический тип состоялся, нужно освободить славянские народы от османского и германского господства. Напомню, эту задачу Россия ценой большого напряжения сил выполнила. Затем, освобождённым славянам следовало, по мысли Данилевского, объединиться в федеративную империю-союз, во главе с императором Всероссийским и со столицей в Константинополе. При этом каждый славянский этнос должен был сохранить свою индивидуальность, а не русифицироваться или превратиться в некую единую нацию-гибрид. «Славянские ручьи» должны были «слиться в русском море», но не раствориться в нём. Важнейшим обстоятельством следует считать неприятие Данилевским насилия в деле объединения славян.

Духовно-политический принцип, который должен был стать основой будущего союза, Данилевский сформулировал как триаду – Православие, славянство, крестьянский надел, включающую духовную мощь Церкви, племенную общность славян и идиллию крестьянского землевладения. В принципе, колоссальный масштаб поставленных в «России и Европе» целей выходил за рамки политического, обретая провиденциальное измерение.

К величайшему сожалению, в исторической реальности политическое объединение славян было осуществлено в XX веке большевиками, которые не только проводили его насильственно, но и сопровождали утопическими социальными экспериментами и гонениями на церковь.

В своей книге Данилевский предложил набор методов и средств для реализации внешнеполитических задач России и главной из них – создания Всеславянского союза.

Именно эта часть «России и Европы» вызвала наибольшие нарекания в адрес Данилевского. Причём, упрёки высказывали не только противники, но и сторонники его концепции. Константин Леонтьев писал о «доверчивом славянолюбии» Данилевского, а о. Георгий Флоровский, напротив, винил в «политиканствующем здравомыслии». Справедливости ради, следует отметить – с учётом опыта последних полутора веков истории Восточной Европы оптимистическая панславистская футурология оказалась в своих выводах весьма сомнительной. Впрочем, пока Россия остаётся самостоятельным центром силы, сохраняется окно исторических возможностей и самых неожиданных политических конфигураций.

В «России и Европе» Данилевский вводит понятие европейничанья (подражание и почитание Европы), которое он справедливо наименовал «болезнь русской жизни». Этому феномену Николай Яковлевич посвятил в своей книге целую главу. По его мнению, европейничанье может стать «...весьма серьёзную болезнью, которая также может сделаться гибельною,

постоянно истощая организм, лишая его производительных сил. Болезнь эта тем более ужасна, что... Придаёт вид дряхлости молодому облику полного жизни русского общественного тела...» (Россия и Европа. С. 222). Вслед за славянофилами, Данилевский считает началом этой болезни реформы Петра Великого и даёт её троичную классификацию:

- 1) искажение народного быта и замена его форм чуждыми формами;
- 2) заимствование иностранных учреждений и пересадка их на русскую почву;
- 3) взгляд как на внутренние, так и на внешние отношения и вопросы русской жизни с иностранной, европейской точки зрения.

Говоря о следствиях указанной болезни, Данилевский темпераментно, но с огромным знанием дела отстаивает русское самобытное искусство, самостоятельность (не только и не столько формальную, сколько психологическую) нашей внешней и внутренней политики. Более того, он с большой проницательностью предупреждает, что непрерывная вестернизация России, бывшая целью и смыслом существования петербургской империи, во всяком случае, в первые полтора века её существования, «усиливает ту долю отчуждённости, которая более или менее свойственна всякому инородцу...» (Россия и Европа. С. 234). Что, в свою очередь, может поставить под вопрос целостность русского государства. Следствием болезни европейничанья, по мнению Данилевского, являются и русские аристократизм, и демократизм. Первый, ставя на первое место сословные интересы или превращая эти интересы в государственные, тем самым входит в противоречие с общими интересами страны. Второй, является, по сути, лжедемократизмом, ибо черпает свой запас идей на Западе, а значит, не имеет подлинной связи с народной жизнью. Именно лжедемократизм приводит, в конечном итоге, к нигилизму, который, по мнению Данилевского, «есть последовательный материализм и больше ничего» (Россия и Европа. С. 246). Европейничанье, для Данилевского, отвратительная форма нравственной слепоты, неосознанная измена делу славянства, худшая форма духовной несвободы, с которой следует вести непримиримую борьбу. «Для избавления от духовного плена и рабства, – утверждал Данилевский, – надобен тесный союз со всеми пленными и поработченными братьями, необходима борьба, которая сорвав все личины, поставила бы врагов лицом к лицу, и заставила бы возненавидеть идолослужение и поклонение своим открыто объявленным врагам и противникам» (Россия и Европа. С. 253). Вывод, сделанный Данилевским, надо признать, по сути, есть призыв к радикальному разрыву с вековой традицией политического класса империи – традицией построения регулярного государства и «просвещения» в западноевропейском стиле.

Данилевский также сформулировал принцип соотношения национального и объективно-научного: «...мы можем заключить, – писал он, – что наука может быть национальна, но что в разных науках степень национальности различна. Национальность менее всего проявляется в науках простых по своему содержанию или очень высоко стоящим по своему

развитию, в таких науках, к которым приложены строгие методы исследования. Эти методы и составляют препятствие проявлению народности или вообще индивидуальности в несколько различной степени. Здесь роль народности ограничивается почти лишь способом изложения и выбором метода исследования, если таких приложимых методов несколько.

Роль народности в науках увеличивается по мере усложнения предмета, не допускающего введения точной и строгой методы. Если науки эти принадлежат к разряду наук общественных, то причина национального характера, который они могут и должны принимать, зависит от особенности психического строя каждой народности, в особенности каждого культурно-исторического типа. Наиболее же национальный характер имеют (или, по крайней мере, должны бы иметь для успешности своего развития) науки общественные, так как тут и самый объект науки становится национальным» (Россия и Европа. С. 135).

Таким образом, общественные науки и, прежде всего социология, не могут, по мнению Данилевского, иметь общей теории из-за различия предмета исследования. Каждый культурно-исторический тип имеет, точнее, должен иметь свою систему социологии, качественно отличную от иных систем. Чуть позже, знаменитый немецкий философ Вильгельм Дильтей (Wilhelm Dilthey) в трактате «Введение в науки о духе» (1883) выскажет сходную мысль, утверждая принципиальную невозможность социологии как теоретической науки из-за различия объектов изучения. В свою очередь П.Н. Милюков поставил под сомнение взгляды Данилевского на проблемы общественных наук. По его мнению, «научная социология стремится к открытию законов эволюции человеческого общества, а для Данилевского интересно только обнаружение в обществе искони заложенной в него неподвижной идеи» (Милюков П.Н. Из истории русской интеллигенции. СПб., 1903. С. 274). В XX веке основные постулаты историософии и социологии Данилевского были восприняты рядом крупных учёных. По мнению Питирима Сорокина, «Данилевский выдвинул несколько общих принципов современной социологии и антропологии относительно диффузии, миграции, экспансии и мобильности культуры» (Сорокин П.А. Кризис нашего времени: социальный и культурный обзор. Бостон, 1951. С. 327 – 328; англ. яз.). Американский философ и социолог Ф. Нортроп (Filmer Stuart Cuckow Northrop) также категорически отрицал наличие универсального научного метода. По всей видимости, вопросы методологии в дискурсе гуманитарных наук не имеют окончательного решения, но приоритет Данилевского в одной из важнейших научных проблем неоспорим.

Значение «России и Европы» для мирового славянского движения и для русского почвенничества трудно переоценить. Недаром этот труд называли «Библией славянофильства». Ко времени выхода «России и Европы» славянское движение уже имело солидную политическую и интеллектуальную историю. Оформление этого движения и в России, и за границей шло почти одновременно и относится к 40-м годам XIX века.

Западный панславизм первоначально оформился в славянских провинциях Австро-Венгрии – Чехии, Словакии и Хорватии – и имел значительные отличия, особенно в политической футурологии. Заслуженные мэтры панславизма из числа пражских профессоров желали лишь культурной автономии в составе империи Габсбургов. Франтишеку Палацкому принадлежит известное высказывание – если бы Австрии не было, её следовало бы придумать. После некоторых колебаний к компромиссу с Габсбургами склонился один из создателей иллирийского движения хорват Людевит Гай. К России указанные деятели относились с недоверием, а то и с враждебностью. В то же время словацкие панслависты, особенно Ян Коллар и Людевит Штур, представляли «русскую партию» и именно их влияние в России оказалось весьма значительным. Я. Коллар, называемый родоначальником «панславизма в поэзии», был автором не только знаменитой поэмы «Дочь Славы», но и статьи «О литературной взаимности между отдельными славянскими племенами и наречиями», переведённой и изданной М.П. Погодиным (Отечественные записки. 1840. № 1 – 2.). В этой статье Коллар не только выделял кровное родство славян, но и указал на их обособленность от романо-германского мира. Ещё значительней, для политического панславизма, было творчество Людевита Штура, автора капитального сочинения «Славянство и мир будущего», впервые опубликованного В. Ламанским в 1867 году. В своей книге Штур утверждал – двумя главными причинами политического упадка славян являются патриархальность, не позволившая создать сильного государства, и католицизм, принесший славянам несвойственный им дух и давший чуждый духовно-политический центр. Словацкий учёный справедливо полагал, Россия единственная сила, способная освободить славянство. «Разве все наши национальные стремления, – писал он, – имели бы хоть какой-нибудь смысл, значение и будущее без России» (Штур Л. Славянство и мир будущего СПб., 1909. С. 141). Как и Данилевский, Людевит Штур был строгим консерваторм, считавшим, что «...так называемые конституционные государственные формы оказываются несостоятельными, неудобными и, даже, лживыми» (Штур Л. Славянство и мир будущего СПб., 1909. С. 91).

В «Славянстве и мире будущего» Штур писал: «Священный долг каждого славянина состоит в том, чтобы всегда иметь ввиду не частное, а общее и восстать против частного, когда оно старается распространиться за счёт целого, ибо лишь в целом оживится когда-нибудь всё частное и достигнет более счастливого, столь давно и горячо желанного будущего» (Штур Л. Славянство и мир будущего. СПб., 1909. С. 125 – 126). В «России и Европе» Данилевский высказал схожую мысль в своём знаменитом пассаже: «Для всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, словенца, болгар (желал бы прибавить и поляка), – после Бога и Его святой Церкви, – идея Славянства должна быть высшей идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него недостижимо без её осуществления, без духовно, народно и политически-

самобытного, независимого славянства, а, напротив того, все эти блага будут необходимыми последствиями этой независимости и самобытности» (Россия и Европа. С. 107).

В 1858 году в Москве был создан Славянский благотворительный комитет. В числе его создателей оказались не только славянофилы, но и некоторые западники: С.М. Соловьёв, М.Н. Катков, П.М. Леонтьев. Стало очевидным – освобождение славян и славянская взаимность, действительно, превратились в «общее дело».

В 1867 году в Москве прошёл славянский съезд с участием крупнейших деятелей славянского движения, ставший высшей точкой старого движения, за которой явственно обозначился идеологический кризис и застой. Идеиная база старого русского славянофильства и западного панславизма оказалась исчерпанной. Публикация «России и Европы» придала идее славянства новый импульс, точно обозначила цель и средства её достижения, дала серьёзные аргументы в борьбе с оппонентами. Естественнаучная аргументация, используемая Данилевским для доказательства своих историсофских выводов, была убедительна для современников, ибо место Гегеля (Georg Wilhelm Friedrich Hegel) и Шеллинга (Friedrich Wilhelm Joseph von Schelling) в философской кумирне того времени заняли Дарвин (Charles Robert Darwin), Бюхнер (Friedrich Karl Christian Ludwig Büchner) и Молешотт (Jacob Moleschott), а статус точных и естественных наук необычайно вырос. Как писал дореволюционный публицист Н.М. Соколов: «...если бы не было Данилевского, славянофильство, с его содержательными и великолепными намёками. С его богатыми обещаниями, с его жизненным и плодовитым началом, до сих пор бы стояло очень далеко от жизни» и «...с Данилевским в учении и общине славянофилов произошёл блистательный перелом, который открыл новые горизонты и новые дороги для созревшей теперь и вполне определившейся мысли» (Соколов Н.М. А.С. Хомяков и Н.Я. Данилевский // Русский Вестник. 1904. № 7. С. 147).

Продолжением «России и Европы» стали политические, точнее, политологические работы, три из которых касались преимущественно внешней политики: «Россия и франко-германская война» (Заря. 1871. № 1), цикл статей «Война за Болгарию» (Русский мир. 1877 – 1878) и «Горе победителям» (Русская Речь. 1879. Янв. и фев.). По мнению Данилевского, события 70-х годов, особенно Берлинский конгресс, только подтвердили тезис о единстве интересов славянства (возможно, за исключением поляков), враждебность этим интересам набирающего силу германизма и, вообще всего, политического класса Запада. Берлинский конгресс (1 июня – 1 июля 1878 года) произвёл ревизию Сан-Стефанского мирного договора, завершившего Русско-Турецкую войну 1877 – 1878 гг. Болгария была разделена на три части, Турции возвращались Македония, а Россия отказывалась от некоторых закавказских приобретений – крепости Баязет и Алашкертской долины. Возможно, одним из важнейших результатов конгресса стало, однако, не очередное манипулирование пограничными

территориями, а разочарование русского общества и власти в политике Бисмарка и, вообще, Германии. Знаменитый историк А. Дебидур (Antonin Debidour) точно оценил следствия политики Бисмарка на Берлинском конгрессе: «Это и была, в сущности, та великая измена, которую санкт-петербургские политики и русская нация не простили, и, ещё долго не простят Германии» (Дебидур А. Дипломатическая история Европы 1814 – 1878. Ростов н/Д, 1995. Т. II. С. 455). Русский консерватизм в это время начал терять своё традиционное германофильство, что с учётом неприязни либерально-демократической публики к «прусскому милитаризму» в дальнейшем оказало огромное влияние на внешнюю политику Российской империи.

Данилевский предвидел и одобрял союз с Францией, который, по его мнению, становился необходимым противовесом мощи второго Рейха. «Усилившаяся Германия, – писал он, – непременно выкажет со всею яростью и очевидностью противоположность политических целей и стремлений немецких и русских, и Россия вынуждена будет выступить на защиту самых существенных своих интересов, нераздельных с интересами всего славянства» (Данилевский Н.Я. Россия и франко-германская война // Горе победителям. М., 1998. С. 135).

Таким образом, «Россия и Европа» вместе со статьями, продолжавшими её тему, стала манифестом с требованием ревизии внешнеполитического курса, восходящего к эпохе «Священного союза», и предложением альтернативной политической программы. Собственно, император Александр III и его министр Николай Гирс реализовали её, пойдя в 1891 – 1893 годах на союз с республиканской Францией, поразивший тогда всю Европу. Иногда современные историки называют этот союз ошибкой, приведшей к Мировой войне. Не следует, однако, забывать, что Бисмарк (Otto Eduard Leopold von Bismarck-Schönhausen) ранее, в 1879 году, заключил антирусский союз с Австро-Венгрией. Более того, когда адмирал Тирпиц (Alfred von Tirpitz) в 1893 году убеждал тогдашнего рейхсканцлера графа Каприви (Georg Leo von Caprivi de Caprera de Montecuccoli) в том, что Англия является главной угрозой для немцев, а для борьбы с ней необходим крупный военный флот, последний ответил: «Мы можем думать о создании мощного германского флота, лишь по удовлетворению **психологической потребности** (выделено мной – А.Е.) германского народа в войне с Россией» (Тирпиц А. Воспоминания. М., 1957. С. 72 – 73).

«Россия и Европа» стала самой знаменитой книгой Данилевского, но его наследие далеко не исчерпывается историософией и политологией. Более того, историософия Данилевского, по сути, – есть продолжение его натурфилософии.

Последние годы жизни Николай Яковлевич посвятил обобщению своих научно-естественных воззрений. Результатом стало появление изданной уже после смерти автора книги «Дарвинизм. Критическое исследование» (СПб.,

1885 – 1889. Т. 1 – 2). Как видно из названия, этот обширный труд содержит критический разбор учения Чарльза Дарвина. Следует отметить, что уже в эпоху Просвещения стали оформляться доктрины, основным содержанием которых было отвержение христианского учения о Боге и жизни. Жизнь стала трактоваться как бесконечно изменяющиеся формы существования особого вида материи. В 1799 году знаменитый немецкий романтик Новалис (Georg Friedrich Philipp Freiherr von Hardenberg) описал появление этого научно-психологического феномена. «...Ненависть к религии, – писал он, – причислила человека к другим детищам природы, над которыми главенствует нужда, и превратила бесконечную творческую музыку Вселенной в однообразный стук чудовищной мельницы, которая приводится в движение потоком случая и подхвачена этим потоком, мельница, как таковая, ни знающая ни строителя, ни мельника, так сказать, настоящий *Perpetuum Mobile*, перемальывающая сама себя» (Новалис. Гимны ночи. М., 1996. С. 172 – 173). Дарвинизм, ставший вершиной и завершением этих доктрин, воспринимался современниками не только как очередная научная теория, но и как откровение, дающее картину происхождения и развития жизни, в которой Богу уже не оставалось места. В сущности, теория Дарвина оказалась не столько научной гипотезой, сколько «научно-философским продуктом веры (хотя веры скептической)». (Дамаскин (Кристиансен) (Damascene (Christensen). Жизнь и учение иеромонаха Серафима (Роуза). М., 1995. С. 511.) В прошлом столетии дарвиновский эволюционизм с одной стороны, через евгенические, квазинаучные выводы привёл прямо к нацистской «расовой гигиене», с другой трансформировался в эрзац-религиозные формы, став психологически-сциентистской основой современного хилиазма. Недаром иезуит и философ Тейяр де Шарден (Pierre Teilhard de Chardin) утверждал, что теория эволюции – это новое откровение человечеству.

Данилевский ясно понял, спор о дарвинизме – не только научная дискуссия, но и полемика о важнейших основах бытия. «Важность его теории такова, – писал Данилевский, – что я твёрдо убеждён, что нет другого вопроса, который равнялся бы ему по важности, ни в области нашего знания и ни в одной области политической жизни» (Данилевский Н.Я. Дарвинизм. Критическое исследование. СПб., 1885. Т. I. Ч. 1. С. 18). Потому что: «Дарвиново учение есть не только и не сколько учение зоологическое и биологическое, сколько вместе с тем ещё, в гораздо большей степени, учение философское. Дарвинизм изменяет, переворачивает не только наши научные биологические взгляды и аксиомы, а вместе с этим и всё наше мировоззрение до самого корня и основания» (Данилевский Н.Я. Дарвинизм. Критическое исследование. СПб., 1885. Т. I. Ч. 1. С. 18). Над своей книгой Данилевский работал много лет, но закончить так и не успел. Однако, благодаря усилиям Н.Н. Страхова, уже в год смерти автора был опубликован первый том, а через четыре года и второй. Высоко оценивая Дарвина как учёного, Данилевский видел в его концепции мотив переноса присущих Англии социальных отношений на животво-растительный мир.

Энциклопедизм и высочайшая научная квалификация позволяли Николаю Яковлевичу плодотворно трудиться, даже в далёких от его специальности сферах знания. В частности, ему принадлежат филологические работы – «Несколько мыслей о русской географической терминологии» (Записки Русского географического общества по общей географии. 1869. Т. II) и диалектологическая работа «Дополнение к опыту областного великорусского словаря» (СПб., 1869). Через семь лет Данилевского избрали в члены «Общества любителей российской словесности». Значительным был вклад Данилевского в экономическую практику государства. Очевидно, что его статьи по ряду специальных вопросов, особенно в ихтиологии, содержали экономическую составляющую. Но Николай Яковлевич написал ещё содержательные статьи по кредитно-денежной (монетарной) политике: «Несколько мыслей по поводу упадка ценности кредитного рубля, торгового баланса и покровительства промышленности» (Торговый сборник. СПб., 1867. № 4, 5, 11, 13, 18, 20, 22), «Несколько мыслей по поводу низкого курса наших бумажных денег и некоторых других экономических явлений и вопросов» (Русский вестник. 1883. № 8, 9). В этих работах Данилевский выступил, как пламенный и, весьма компетентный, сторонник протекционизма. Вторую из названных статей Н. Страхов посоветовал прочитать своему школьному товарищу И.А. Вышнеградскому, который «...не прочёл, а изучил её» (Письмо Н.Н. Страхова к Н.Я. Данилевскому // Русский вестник. 1901. № 3. С. 126). С этим утверждением Страхова вполне можно согласиться, ибо, будучи министром финансов в 1888 – 1892 годах, Вышнеградский проводил политику, созвучную идеям Данилевского. Следует отметить, экономические взгляды Данилевского критиковались с двух прямо противоположных позиций. Основатель знаменитой династии учёных, статистик и экономист, профессор И.В. Вернадский, являясь страстным поклонником фритредерства, настаивал на уходе государства из экономики и утверждал – русская промышленность способна выдержать любую конкуренцию. С другой стороны, народническая критика в лице П.В. Засодимского считала низкий курс рубля следствием общей экономической отсталости страны и бедности деревни. В целом, можно с большой долей уверенности говорить о правоте Данилевского, так как в начале 90-х годов позапрошлого века начался невиданный промышленный подъём в России, во многом обеспеченный протекционистской политикой правительства.

Перу Данилевского принадлежит и несколько работ на исторические и церковно-исторические темы. Ранней истории Восточной Европы посвящена статья «О пути мадьяр с Урала в Лебедию» (Известия географического общества. 1879. Т. XIX), где он, используя свои обширные географические познания, указал на ошибку, совершённую К.Я. Гротом в диссертации «Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века». Дело в том, что путь венгерской орды, указанный Гротом, был не верен в силу невозможности для кочевников преодолеть обширные лесистые пространства. Данилевский

справедливо указал – мадьяры двигались южнее, по лесостепной и степной полосе южной России.

20 мая 1881 года, когда не прошло и двух месяцев с убийства народовольцами императора Александра II, в «Московских ведомостях» появилась статья Данилевского «Несколько слов по поводу конституционных вождедений нашей “либеральной прессы”». Тут Николай Яковлевич выступил не просто как строгий консерватор, но и как сторонник самодержавия. Статья Данилевского посвящена доказательству невозможности подлинного народовластия в так называемых демократических формах правления. Зато самодержавная власть русского монарха как раз и является властью подлинно народной, ибо она отвечает национальному (народному) представлению о власти. Но «есть, однако же, область, на которую, по понятию нашего народа, власть эта совершенно не распространяется, – это область духа, область веры», утверждал Данилевский. (Данилевский Н.Я. Несколько слов по поводу конституционных вождедений нашей «либеральной прессы» // Горе победителям. М., 1998. С. 283). Конституция и парламентские учреждения в России, по мнению Николая Яковлевича, будут «...мистификациями, комедиями, фарсами, шутовством... русская конституция, русский парламент – невозможны как дело серьёзное» (Данилевский Н.Я. Несколько слов по поводу конституционных вождедений нашей «либеральной прессы» // Горе победителям. М., 1998. С. 285 – 286). Можно соглашаться или не соглашаться с Данилевским, но как не вспомнить, быстро ставшую поговоркой фразу одного из современных политиков: «Государственная Дума – не место для дискуссий». Накануне смерти Николай Яковлевич опубликовал большую статью «Владимир Соловьёв о Православии и Католицизме» (Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1885. № 2, 3). Поводом для её написания стала публикация в газете «Русь» и «Известиях Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» ряда статей Владимира Сергеевича Соловьёва, посвящённых богословским и церковно-историческим сюжетам. Соловьёв, увлечённый своей теократической утопией, упрекал Православие в схизме, клерикальной узости и отступлении от универсальной правды христианства. Особенно досталось от Соловьёва Византии, которой философ придал черты статичного рабского Востока, противостоящего культурному динамическому Западу. Данилевский, привлекая огромный фактический материал, показал не только, порой неприличную, тенденциозность Соловьёва, но и фактические неточности в его исторических экскурсах. Характерно, что свою работу Николай Яковлевич закончил следующим абзацем: «В заключении я должен сказать, что та искренность и смелость, с которыми г. Соловьёв решил высказать своё мнение, поистине, заслуживают уважения и благодарности» (Данилевский Н.Я. Владимир Соловьёв о Православии и Католицизме // Горе победителям. М., 1998. С. 383). Именно подобного великодушия, широты натуры, безукоризненной честности не хватило В. Соловьёву, когда после смерти Данилевского, он повёл спор со

Страховым о его идейном наследстве. Впрочем, тогда Соловьёв, отвечая Николаю Яковлевичу, признал «серьёзные и обстоятельные возражения столь заслуженного писателя, как Н.Я. Данилевский» позволяют «указать на то, что я заступаюсь за католичество» (Соловьёв В.С. Ответ Данилевскому // Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1885. № 3. С. 134.), но признание католицизма ересью, по мнению философа, «остаётся только личной уверенностью и частным мнением» (Соловьёв В.С. Ответ Данилевскому // Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1885. № 3. С. 137). Таким образом, Соловьёв фактически объявил «частным мнением» всё сравнительное (обличительное) богословие Вселенского Православия. Ещё одной важной работой Данилевского стала статья «Происхождение нашего нигилизма» (Русь. 1884. 15 нояб. и 1 дек.). Непосредственным поводом к её написанию послужила публикация в этой же газете статьи врача К.К. Толстого «Этюды господствующего мировоззрения» (Русь. 1884. № 4). В ней Данилевский повторил суждение, высказанное ещё в «России и Европе» – нигилизм лишь одно из наших заимствований у Запада.

Книги Данилевского вызвали сильнейшие дискуссии в русском обществе (См. подробнее: Ефремов А.В. Борьба за историю. М., 2006). Наибольшей остроты они достигли уже после смерти Николая Яковлевича. А поначалу появление «России и Европы» в журнальном варианте, а затем, в 1871 году, выход её отдельным изданием, особенного успеха у публики не имели и, соответственно, не вызвали какой-либо значительной реакции в печати. Только в 1888 году вышло второе издание (ошибочно обозначенное как третье), затем появились издания 1889 и 1895 годов. Впрочем, уже в 60-70-е годы на публикацию «России и Европы» откликнулись довольно известные литераторы и публицисты – В.П. Буренин (Санкт-Петербургские ведомости. 1869. № 119), Н.В. Шелгунов (Голос. 1869. № 203), П.К. Щербальский (Русский вестник. 1869. № 5; Новое время. 1869. № 151), В.П. Безобразов (Война и революция. М., 1872; Против Данилевского // Наблюдатель. 1888. № 11), Н.К. Михайловский (Отечественные записки. 1877. № 1) Р.А. Фадеев (Наш военный вопрос. Военные и политические статьи. СПб., 1873). Надо отдать должное объективности западников и либералов Щербальского и Михайловского, которые, не соглашаясь с основными выводами «России и Европы», высоко оценили этот труд, в отличие от критически-бессодержательных отзывов Буренина и Шелгунова. Консервативно настроенный Фадеев, в свою очередь, высказался вполне панегирически. Известный филолог профессор О.Ф. Миллер считал, что книга Фадеева «Мнения о Восточном вопросе» (СПб., 1870) настолько близка к труду Данилевского, что «...её можно было принять за сокращённо-упрощённое изложение многих существенных сторон этого последнего» (Миллер О.Ф. Русско-славянский вопрос и начало народности // Заря. 1870. Кн. 3. С. 126). Ситуация первоначального невнимания изменилась, когда

Владимир Соловьёв выступил с резкой критикой идейного, прежде всего, историсофского, наследия Данилевского, опубликовав ряд статей, вошедших позднее в сборник «Национальный вопрос в России». В развернувшейся полемике приняли участие К.Н. Леонтьев, В.В. Розанов, С.Ф. Шарапов, П.Н. Милюков, К.Н. Ярош, Н.И. Кареев, П.Е. Астафьев и несколько менее известных публицистов. Главным оппонентом Соловьёва выступил друг и популяризатор идей Данилевского, Николай Страхов. Кроме того, яростная дискуссия разгорелась и по поводу натурфилософии Данилевского, изложенной в изданном Страховым «Дарвинизме». Последней мы коснёмся чуть позже, что же касается философии истории, то в её критике Соловьёв исходил из двух основных тезисов. Первый заключался в утверждении, будто человечество составляет единый организм, процесс развития которого состоит в усвоении «отсталыми» народами более высоких культур. По мнению Соловьёва, европейская культура обрела универсальный характер, а значит, развитие любой нации состоит в максимальном усвоении именно этой формы культуры. Причём, если пользоваться современной терминологией, глобализация мира виделась философу делом христианским. «Народность, – утверждал он, – являлась доселе, по преимуществу, как сила дифференцирующая и разделяющая. Между тем, разделяющее и обособляющее действие народности противоречит всеединяющим началам христианства» (Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 262). Второй пункт состоял в утверждении, что национально-государственные отношения должны строиться на основе этики Евангелия, т.е. на отречении и жертвенности. Такая постановка проблемы определила и критическую аргументацию Соловьёва, строящуюся на двух типах аргументов – конкретно-научных и ценностных. К сожалению, стиль дискуссии, выбранный Соловьёвым, носил нарочито памфлетный, если так можно выразиться, хихикающий характер. Поэтому полемика иногда походила на фельетонную перебранку, особенно со стороны критиков идей Данилевского. Собственно, этого не отрицали даже поклонники Соловьёва. Так, В.Ф. Эрн отмечал: «В. Соловьёв в своём «Национальном вопросе» и не ставил себе задачей решать вопрос, хороши или дурны славянофильские взгляды (особенно философские), а просто сокрушал рёбра Каткову и К» (Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. С. 164).

Отмечу, в предисловии ко второму изданию «Национального вопроса в России», Соловьёв писал: «Национальный вопрос для многих народов есть вопрос об их существовании. В России такого вопроса быть не может. Тысячелетней исторической работою созидалась Россия как единая, независимая и великая держава. Это есть дело сделанное, никакому вопросу не подлежащие». (Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 260). Это написано в 1888 году, через три десятка лет, вопрос о существовании России оказался весьма актуален.

Критике идейного наследия Данилевского Владимир Соловьёв посвятил несколько статей, напечатанных в программно-либеральном «Вестнике Европы». Первую из них он озаглавил, подобно книге

Данилевского, «Россия и Европа» (Вестник Европы. 1888. № 4), затем шли: «О грехах и болезнях» (Вестник Европы. 1889. № 1), «Несколько слов в защиту Петра Великого» (Вестник Европы. 1889, № 5, 6), «Славянофильство и его вырождение» (Вестник Европы. 1889. № 11, 12), «Мнимая борьба с Западом» (Русская мысль. 1890. № 8), «Счастливые мысли Н. Н. Страхова» (Вестник Европы. 1890. № 11), «Немецкий подлинник и русский список» (Вестник Европы. 1890. № 12) и, отчасти, «Идолы и идеалы» (Вестник Европы. 1891. № 3).

Соловьёв пытался отрицать само понятие «культурно-исторический тип» притом, что сам же недавно писал: «Я вполне признаю существование культурно-исторических типов, указанных г. Данилевским» (Соловьёв В.С. Ответ Данилевскому // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1885. № 3. С. 135). Так же он настаивал на универсальности европейской культуры и критиковал увлечение славянофилов крестьянской общиной. Возможности русской науки и искусства Владимир Сергеевич оценивал крайне низко. «Русские, – писал он, – несомненно, оказались весьма способны ко всем наукам. Эта способность в соединении с превосходною школой, которую нам можно было пройти, позволяла надеяться, что в течение столетия... наша нация произведёт чудеса в области науки. Действительность не оправдала таких надежд...» (Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 342) и, продолжал философ, «можно прийти лишь к одному несомненному заключению, а именно, что русские способны участвовать в общеевропейской научной деятельности приблизительно в такой же мере, как шведы и голландцы» (Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 344). Далее Соловьёв указывает на вторичность русской философии от западной – немецкой и французской. Впрочем, затем он признаёт некоторое значение за религиозной философией, именуя её «национальным мистицизмом». Самых русских философ относит к «полудиким народам Востока», не замечая, что таким образом вычленяет Россию из общеевропейского единства, на котором сам же настаивает. Отдавая должное достижениям национальной литературы, он в то же время утверждает, великие русские писатели «или покойники, или инвалиды. Гоголь, Достоевский, Тургенев – умерли. И.А. Гончаров сам подвёл итог своей литературной деятельности; младший, но самый прославленный из наших знаменитых романистов, гр. Л.Н. Толстой, уже более десятка лет, как обратил совсем в другую сторону неустанную работу своего ума» (Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 350 – 351). Эти строки написаны в 1888 году, т.е. тогда, когда Антон Павлович Чехов опубликовал свою гениальную «Степь».

Критикуя теорию культурно-исторических типов, Соловьёв писал, «в своём национальном эгоизме, обособляясь от прочего христианского мира, Россия всегда оказывается бессильна произвести что-нибудь великое или хотя бы просто значительное» (Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. М., 1989. Т.1. С. 353). В качестве негативного примера обособления он приводит Китай: «Китайская империя, несмотря на всё сочувствие к ней Данилевского, не

одарила и, наверное, не одарит мир никакойю высокою идеей и никаким великим подвигом; она не внесла и не внесёт никакого вековечного вклада в общее достояние человеческого духа» (Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 353). Не говоря уже о не историчности и культурном расизме этого тезиса, следует заметить, что, противопоставляя Китай (а точнее, весь ареал китаизма, выходящий далеко за границы этого государства) Западу, Соловьёв невольно признаёт наличие культурно-исторических типов. В дальнейшем, как заметил современный учёный В.В. Сербиненко, Соловьёв «признает, хотя и косвенно, определённую реалистичность концепции культурно-исторических типов» (Сербиненко В.В. К характеристике образа дальневосточной культуры в русской общественной мысли XIX века // Общественная мысль, исследования и публикации. М., 1989. Вып. 1. С. 135).

Основная вина Данилевского, как автора «России и Европы», по мнению Соловьёва, носила ценностный характер. «В этой книге, – писал он, – произошло отречение славянофильства от христианского универсализма ради племенного национализма, т.е. вырождение славянофильства» (Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 439). Собственно, под христианством философ имел ввиду какое-то своё «христианство», ибо историческая Церковь никогда не отрицала национальное, а ставило его лишь в подчинённое положение по отношению к более высокой форме единства – братства во Христе.

Чувствуя слабость своей аргументации, Соловьёв напрямую обвинил Данилевского в плагиате, указав на немецкого философа Генриха Рюккерта (Heinrich Rökkert) как на подлинного создателя теории культурно-исторических типов. Ему возражали Страхов (Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского. Русский вестник. 1894. № 10) и Розанов в рецензии на статью Страхова «Рассеянное недоразумение» (Новое время. 1894. 9 нояб. № 6717). Безусловно, обвинение, выдвинутое Соловьёвым, совершенно не соответствовало действительности. Собственно, никто из критиков Данилевского того времени не отнёсся серьёзно к этому утверждению и не повторял его. В Германии критики Освальда Шпенглера так же не упоминали Рюккерта как основоположника цивилизационной концепции истории. Да и сам Соловьёв чуть ранее говорил, что Данилевский обладал «крупным умственным дарованием и **безукоризненным нравственным характером** (выделено мной – А.Е.)» (Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 337). Современные исследователи проверили обвинения Соловьёва и категорически их отвергли (см.: МакМастер Р. Вопрос о влиянии Генриха Рюккерта на Данилевского // Американское обозрение славянства и Восточной Европы. Т. 14. № 2. 1955; англ. яз.). В дальнейшем, советская официальная наука, в значительной мере, в отрицании идей Данилевского исходила из критических отзывов Соловьёва, а иногда просто повторяла их (см.: Рашковский Е.Б. Данилевский. БСЭ. М., 1972. Т. 7. С. 527).

Главным защитником идей Данилевского выступил Страхов. В статьях «Последний ответ Вл. Соловьёву» (Русский вестник. 1889. № 2), «Спор из-за

книг Н.Я. Данилевского» (Русский вестник. 1889. № 12), «Новая выходка против книги Н.Я. Данилевского» (Новое время. 1890. 21 сент., 20 нояб.). Николай Николаевич Страхов логично, очень убедительно и с большим тактом сумел опровергнуть критические выпады Соловьёва (см.: Колубовский Я.Н. Материалы для истории философии в России. 1855 – 1888 // Вопросы философии и психологии. 1890. № 7). К сожалению, уступая Страхову в содержании, Соловьёв превосходил его в форме, иначе говоря, его поверхностные, но бойко написанные тексты, воспринимались читающей публикой куда легче и охотнее, нежели несколько тяжеловатые статьи Страхова. Как отмечал, лично близкий Соловьёву Эрнест Радлов: «Национальный вопрос в России» без сомнения «не самое значительное произведение нашего философа, ... но оно едва ли не самое блестящее, самое доступное и потому и самое распространённое» (Радлов Э.Л. Владимир Соловьёв. Жизнь и учение. СПб., 1913. С. 173). Надо сказать, что среди союзников Страхова в его полемике с Соловьёвым были такие выдающиеся личности, как Лев Николаевич Толстой, Афанасий Афанасьевич Фет, Владимир Васильевич Стасов. Последний в письме Толстому сетовал: «Мне в высшей степени отвратительна статья его в «Вестнике Европы» (речь о статье В. Соловьёва «Россия и Европа» – А.Е.), но, к моему изумлению, Стасюлевич, Репин и множество других от неё в восхищении» (Лев Толстой и В.В. Стасов. Переписка. 1878 – 1906 гг. Л., 1929. С. 86).

В развернувшуюся полемику вступил и выдающийся русский мыслитель, писатель Константин Николаевич Леонтьев. В журнале князя Мещерского «Гражданин» он опубликовал статью «Владимир Соловьёв против Данилевского» (Гражданин. 1888. № 4, 5, 6). В этой, несколько сумбурной, на мой взгляд, работе Леонтьев утверждал – мечта Соловьёва о новой теократии и мечта Данилевского о появлении нового, славянского культурно-исторического типа «в самых общих чертах» не противоречат друг другу. В дальнейшем, Леонтьев отошёл от своего несколько примирительного тона и в письмах к Страхову допускал резкие высказывания в адрес его оппонента. Ответом Соловьёву была и обширная статья К. Яроша с характерным названием «Иностранцы и русские критики России», опубликованная в первом номере Русского вестника за 1889 год. Ярош отметил существенное противоречие в аргументации Соловьёва, ибо, «признавая всю нашу образованность благим результатом реформы Петра, г. Соловьёв отрицает потом в этой образованности всякое значение и всякую цену» (Русский вестник. 1889. № 1. С. 109). Тогда же разорвавший связи с политической эмиграцией Лев Тихомиров дал проницательную характеристику религиозно-исторических взглядов как Данилевского, так и Соловьёва. «В. Соловьёв, – писал он, – упрекал Данилевского будто бы его национализм и учение об исторических типах противны христианскому чувству. Напротив, Данилевский, именно как глубокий христианин, не мог впасть в ошибку, неизбежную для социологов – не христиан или полухристиан. Он ясно чувствовал, что в жизни нашей есть от мира сего, и что не от мира сего» (Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997. С. 75).

Замечательный русский историк Константин Николаевич Бестужев-Рюмин был большим почитателем «России и Европы». Уже в первом томе «Русской истории» (СПб., 1872) он дал высокую оценку историческим взглядам Данилевского. В мае 1888 года в «Русском вестнике» учёный опубликовал статью «Теория культурно-исторических типов», которая в этом же году была напечатана в качестве послесловия к новому изданию «России и Европы». К чести Бестужева-Рюмина, он сумел отметить важнейшую компоненту в теории культурно-исторических типов: «Читателя нашего времени должно поразить то, что автор далеко не чужд богословских вопросов, которые кажутся людям поверхностным столь далёкими от действительности и, пожалуй, уже совершенно отжившими. Не такими они казались Данилевскому: он клал их в основу своей теории» (Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 435). Известный либеральный историк и социолог Николай Иванович Кареев в девятом номере «Русской мысли» за 1889 год также высказался по поводу «России и Европы». В статье «Теория культурно-исторических типов. О «России и Европе» Данилевского» он писал; «Гегель, во имя единства «всемирного духа», ломает все исторические перегородки, Данилевский, во имя самобытности культурно-исторических типов, закупоривает все отдушины в этих перегородках» (Кареев Н.И. Собр. соч. в 2 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 4). Очевидно, упрёк Данилевскому, который якобы «закупоривает все отдушины», является сильным преувеличением, о чём ещё при жизни Кареева писал в редактируемых П.Н. Милюковым «Современных записках» либеральный М. Шварцц (Шпенглер и Данилевский. Два типа культурной морфологии // Современные записки. Париж. 1926. Т. XVIII). Завязавшаяся яростная и шумная полемика, вопреки намерениям критиков Данилевского, поставила «Россию и Европу» в центр духовно-интеллектуальной жизни России конца 80-х – начала 90-х годов XIX века, вызвав значительный интерес к этому произведению. Отсюда и два подряд издания книги в 1888 и 1889 годах. Как сообщал Страхов в письме Льву Толстому: «Шум из-за книг Данилевского поднят страшный и теперь непременно станут об них писать» (Толстовский музей. СПб., 1914. Т. 2. С. 394).

Несколько иная ситуация сложилась в споре о «Дарвинизме». Естественно, появление книги, посвященной вопросу, волновавшему все лучшие умы того времени, быстро вызвало споры, в которых приняли участие известнейшие учёные и публицисты того времени. После выхода первого тома «Дарвинизма» Н. Страхов опубликовал статью с несколько неудачным, на мой взгляд, названием: «Полное опровержение дарвинизма» (Русский Вестник. 1887. Янв.).

Известный учёный-дарвинист Климент Тимирязев прочёл по этому поводу публичную лекцию в Политехническом музее, а затем с небольшими изменениями опубликовал её в «Русской мысли» с полемическим заголовком: «Опровергнут ли дарвинизм?» (Русская мысль. М., 1887. № 5, № 6). «Данилевского, – утверждал Тимирязев, – нельзя назвать добросовестным

критиком. Все его возражения уже сделаны ранее его» (Тимирязев. К.А. Опровергнут ли дарвинизм? // Русская мысль. 1887. № 5. С. 141). Следует отметить, что даже если бы Тимирязев был в этом пункте прав, то компендиум по данной, очень обширной проблеме, сам по себе, являлся немалым достижением. Увы, но нетерпимый и задорный Климент Аркадьевич проигнорировал множество оригинальных мыслей Данилевского, с чем сегодня согласны все, без исключения, знатоки вопроса (см.: Творческое наследие Николая Яковлевича Данилевского и его значение для научной мысли России и Крыма. Материалы международной научно-практической конференции, г. Симферополь, 21 – 23 мая 2015 г. Симферополь, 2015. 430 с.). Страхов немедленно ответил статьёй «Всегдашняя ошибка дарвинистов» (Русский вестник. 1887. № 11, 12). Этой ошибкой, по мнению Страхова, было то, что «дарвинизм принимает возможность за действительность». Через два года, когда уже шла бурная полемика о «России и Европе», Тимирязев опубликовал обширную статью «Бессильная злоба антидарвиниста» (Русская мысль. 1889. № 5, 6, 7), в которой книги Данилевского охарактеризованы как «схоластическая реакция» на успехи современной науки. В разгоревшуюся полемику вмешался известный физиолог, академик А.С. Фаминцын, опубликовавший во втором номере «Вестника Европы» за 1889 год статью «Н.Я. Данилевский и дарвинизм. Опровергнут ли дарвинизм Данилевским?». Сделав краткий обзор работы Данилевского, Фаминцын признал достоинства книги, но не согласился с её основными выводами. По его мнению, эти выводы не имеют строго научного характера, а «подлинного учёного, специально знакомого с новейшими достижениями и направлениями современной биологии, не увлекут ни лирические излияния, ни возгласы негодования Ч. Дарвиным, которыми столь часто разражается автор «Дарвинизма» (Фаминцын А.С. Н.Я. Данилевский и дарвинизм. Опровергнут ли дарвинизм Данилевским? // Вестник Европы. 1889. № 2. С. 34). Таким образом, позиция Фаминцына оказалась в противоречии с суждениями как Страхова, так и Тимирязева. Оба оппонента не замедлили прокомментировать указанный текст. Тимирязев ответил статьёй «Странный образчик научной критики» (Русская мысль. 1889. № 4), Страхов, в свою очередь, статьёй «Фаминцын А.С. о «Дарвинизме» Н.Я. Данилевского». (Русский вестник. 1889. № 4). Очевидно, что ни Тимирязев, ни Страхов не согласились с Фаминцыным. Любопытно, что Лев Николаевич Толстой писал в это время Страхову «Фаминцын, по моему, подлежит уничтожению полному» (Толстой Л.Н. Полн. собр. в 90 т. М., 1953. Т. 64. С. 175). Сходную с Фаминцыным, т.е. объективно-нейтральную, позицию занимал и известный философ профессор Н.Я. Грот. «...не разделяю только Вашего и (страховского) слишком восторженного отношения к «Дарвинизму» Данилевского. – Писал он Василию Розанову. – Я не разделяю и ненависти Тимирязева» (НИОР РГБ. Ф. 246. М 3821. Ед. хр. 14. Л. 2).

Владимир Сергеевич Соловьёв также коснулся этой темы. Книгу Данилевского он охарактеризовал как «самый полный, самый обстоятельный

и прекрасно изложенный свод всех существующих возражений, сделанных против теории Дарвина в европейской науке», но «далее отрицательной критики, далее разрушения чужой теории русский мыслитель не пошёл. Никакие даже попытки объяснить положительным образом происхождение растительных и природных видов он не сделал» (Соловьёв. В.С. Сочинения в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 262). Таким образом, Соловьёв в другой тональности, не так резко, но полностью повторил мнение Тимирязева. Последний упрёк особенно спорен, ибо, позиционируя себя христианским мыслителем, Владимир Сергеевич искал иную, нежели данную в Св. Писании теорию происхождения жизни.

В разгоревшуюся дискуссию Страхов вовлёл и Василия Васильевича Розанова. В пятом номере «Русского вестника» за 1889 год Розанов опубликовал статью «Вопрос о происхождении организмов». Поставив под вопрос общетеоретические положения дарвинизма, он отметил, «в теории Дарвина есть одна особенная странность», а именно «будучи (по задаче своей) теорией происхождения органических форм, она в действительности говорит только об их сохранении, или, точнее и строже, о несохранении форм, за исчезновением которых остались те, которые наблюдаются» (Розанов В.В. Вопрос о происхождении организмов // Русский вестник. 1889. № 5. С. 311). Вообще, Розанов считал натурфилософию Данилевского важнее его историософии, о чём и написал в некрологе своему учителю Страхову. Известный историк К.Н. Бестужев-Рюмин, в свою очередь, отметил, что книга Данилевского является «новым доказательством и глубины ума его, и обширности знания» (Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 435). Очень жаль, но русское общество того времени не было готово к серьёзному обсуждению поставленных Данилевским проблем, в данном случае проблемы научной подлинности дарвинизма. Это прекрасно видно из письма литератора В.Г. Короленко жене: «Какая прелестная статья в «Русской мысли» Тимирязева «Опровергнут ли дарвинизм?»... Дело в том, что среди теперешней умственной реакции и мракобесия не так давно появилась книга Данилевского «Полное опровержение дарвинизма». Не правда ли, уже по заглавию видно, что тут имеется значительная доля шарлатанства... Полное опровержение дарвинизма было подхвачено в литературе чёрно-белым магом Страховым, который протрубил о нём как о славной победе. Даже либеральные органы глубокомысленно хмурили брови. «Заслуживает большого внимания и серьёзный труд... Веские возражения» (Таков отзыв был – увы! – и в «Русской мысли»). И вот выходит Тимирязев, начинает с шуточки и самым неопровержимым образом доказывает, что это дичь и ерунда самого лёгкого свойства, который только самое обычное славянофильское шарлатанство постаралось придать внешний вид солидности. Надо заметить, что и Данилевский и Страхов заигрывают с Тимирязевым, как с «самым последовательным дарвинистом», но его этим не подкупили и не смягчили. Его критика при всей иногда даже игривости – положительно беспощадна, и вообще вся статья представляется мне

плотиной, которую истинная наука ставит потоку мракобесия. Как не залюбоваться на этого милого Тимирязева» (Короленко В.Г. Собр. соч. в 10 т. М., 1956. Т. 10. С. 67). По письму видно, Короленко в глаза не видел книги Данилевского, спутав её название с названием статьи Страхова, и даже не знал, что Данилевский скончался два года назад, а значит, не имел возможности заигрывать с Тимирязевым, чего, конечно, не делал и Страхов. В советское время Данилевского ругали ещё и в контексте борьбы с генетикой. Так, Г.В. Платонов писал: «Хотя основной удар Тимирязева был направлен непосредственно против русских антидарвинистов – Данилевского, Страхова, Фаминцына и др., – его победа имела огромное значение для развития науки и в других странах. Тимирязев сам отмечал, что Данилевский, написав свой объёмистый «труд», собрал мысли, высказанные антидарвинистами всего мира» (Платонов Г.В. Мировоззрение К.А. Тимирязева. М., 1952. С. 301).

К величайшему сожалению, действительно можно говорить о «победе Тимирязева», хотя эта победа была не научной, а пропагандистской. Критикам Данилевского удалось настолько дискредитировать его выдающийся труд, что уже в XX веке учёные-биологи не считали нужным приступать к его изучению. По свидетельству академика Льва Семёновича Берга: «Книга эта, конечно, всем естествоиспытателям понаслышке известна, но из людей моего возраста, я думаю, найдется в России едва пять-шесть человек, которые ее читали бы: за ней имеется слава Герострата. Такова сила предубеждения, что первоначально я не находил нужным даже обращаться к ней, считая произведением ненаучным и тенденциозным...» (Берг Л.С. Труды по теории эволюции, 1922 – 1930. Л., 1977. С. 95). А между тем, учение Дарвина в России оспаривали Н.Г. Чернышевский, К.Д. Ушинский, П.Ф. Лесгафт, П.А. Кропоткин. Последний написал в 1902 году целое сочинение с критикой дарвинизма – «Взаимная помощь как фактор эволюции». Впрочем, труд Данилевского был, в конечном счёте, востребован наукой и обществом. В науке идеи «Дарвинизма» восприняли В.П. Карпов, Л.С. Берг, А.А. Любищев. Восхищались книгой филолог Р. Якобсон, философ и богослов В. Зеньковский, социолог П. Сорокин. В советское время Л.И. Корочкин привёл аргументы Данилевского в статье «К спорам о дарвинизме» (Химия и жизнь. 1982. № 5). Ныне, по моему мнению, всё яснее обозначается научный и психологический кризис дарвинизма. Даже знаменитый идеолог европейской левой, философ Славой Жижек вынужден признать: «Всё что у нас остаётся без Христа – это пустота бессмысленного многообразия реального» (Жижек С. Монструозность Христа: парадокс или диалектика? Кембридж, 2009. С. 80; англ. яз.).

Столь значимый труд как «Россия и Европа», безусловно, не мог не заинтересовать учёных-историков, социологов, филологов и правоведов. Уже в период полемики конца 80-х годов позапрошлого века о ней писали К.Н. Бестужев-Рюмин, Н.И. Кареев, А.Д. Градовский. Чуть позже к ним

прибавился знаменитый историк, один из политических вождей русского либерализма, Павел Николаевич Милюков. Испытав в молодости некоторое влияние Данилевского, Милюков довольно быстро перешёл в стан противников его идей. Уже в январе 1893 года он выступил в Политехническом музее с публичной лекцией, которую вскоре опубликовал как статью в третьем номере «Вопросов философии и психологии» под названием «Разложение славянофильства». По мнению Милюкова, в основе славянофильства лежали две идеи – идея национальности и идея всемирно-исторического предназначения России, что определило распад (разложение) славянофильства на два направления, где определяющей становилась одна из этих идей. Данилевского он относил к первому, а Соловьёва ко второму. В «России и Европе», утверждал Милюков, «впервые была сделана попытка, подвести под воздушный замок славянофильства более или менее солидный научный фундамент» (Милюков П.Н. Из истории русской интеллигенции. СПб., 1903. С. 270). Но, по мнению Милюкова, сделать это не удалось, так как «совершенно реальное понятие народности превратилось в лаборатории Данилевского в метафизическое понятие культурно-исторического типа» (Милюков П.Н. Из истории русской интеллигенции. СПб., 1903. С. 277). По утверждению Милюкова, историософия Данилевского соединяет классическое славянофильство А.С. Хомякова с византизмом Леонтьева. «Его “наука”, – писал Милюков, – одним концом соприкасается с метафизическим абсолютизмом старого славянофильства, а на другом – переходит в пессимистический фатализм Леонтьева» (Милюков П.Н. Из истории русской интеллигенции. СПб., 1903. С. 288).

В отличие от Милюкова, его учитель, великий русский историк Василий Осипович Ключевский, отнёсся к идеям автора «России и Европы» вполне благожелательно. По поводу статьи своего ученика Василий Осипович записал в дневнике: «Разложение славянофильства – пахнет от разлагателя» (Ключевский В.О. Собр. соч.: в IX т. М., 1980. С. 398). В готовившейся Ключевским рецензии на «Русскую историю» К.Н. Бестужева-Рюмина он вполне доброжелательно отметил «вместо разделения народов на исторические и неисторические, придуманного немцами, автор признаёт более научной правды за теорией г. Данилевского» (Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 156 – 157). В речи на смерть Ключевского профессор И.А. Линниченко заявил, покойный примыкает «более всего к теории Данилевского». Он же утверждал, что такие высказывания знаменитого историка, как «культура – цивилизация – степень выработки того или иного народа» или «по условиям своего земного бытия человеческая природа, как в отдельных лицах, так и в целых народах раскрывается не вся вдруг целиком, а частично и прерывисто, подчиняясь обстоятельствам места и времени» (цит. по: Балув Б.П. Споры о судьбах России. Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М., 1999. С. 271) восходят к «России и Европе». Крупный историк-славист Владимир Иванович Ламанский, брат петрашевца Евгения Ламанского, как учёный и панславист был очень близок Данилевскому. Недаром, либеральные

«Отечественные записки» опубликовали одну рецензию на вышедшие в 1871 году «Россию и Европу» Данилевского и «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе». Анонимный рецензент сообщал, что известна «горсть рыцарей печального образа, которые слывут под названием славянофилов» и «заслужили всеобщую славу каких-то юродивых» (Рецензия. «Россия и Европа» Н.Я. Данилевского. «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» В.И. Ламанского // Отечественные записки. 1871. № 5. С. 73). С другой стороны, профессор Казанского университета М.П. Петровский в письме чешским друзьям сообщил: «Недавно вышла в свет книга Ламанского «Об изучении славянского мира на Западе» (имеется ввиду «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе») и книга Данилевского «Россия и Европа», в которых весьма хорошо изложены взгляды чисто русских людей на славянство» (цит. по: Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 587). Разделяя взгляды Данилевского, в том числе, касающиеся будущего славянского мира, Ламанский, однако, был более пессимистичен, особенно в отношении ближайших перспектив. В письме слависту В.В. Макушеву он писал: «Сочинение Данилевского «Россия и Европа» окончено. Вторая часть его состоит в проекте решения Восточного вопроса, образование Славянской Федерации с союзным городом Царьградом. Разумеется, до этого ещё очень далеко и, по-моему, гораздо дальше, чем думает Данилевский. Но об этом надо иногда говорить и не забывать никогда» (НИОР РГБ. Ф. 156. К.5. Ед. хр. 76. Л. 12).

В 1918 году вышла знаменитая книга Освальда Шпенглера «Закат Европы», вскоре переведённая на русский язык. Было очевидно, культурологическая историософия немецкого мыслителя основывается на выводах Данилевского. В 1922 году в Москве был напечатан знаменитый сборник «Освальд Шпенглер и закат Европы», послуживший большевикам основанием для высылки из России десятков деятелей науки и культуры. В сборник вошли статьи Ф.А. Степуна «Освальд Шпенглер и Закат Европы», Л.С. Франка «Кризис Западной культуры», Н.А. Бердяева «Предсмертные мысли Фауста» и Я.М. Букшпана «Непреодоленный рационализм». В целом, критически настроенные по отношению к Шпенглеру авторы признавали огромное значение за его работой. Зато Данилевский упоминается в сборнике лишь два раза, причём, упоминается достаточно уничижительно. Ф. Степун повторяет, только мягче, утверждение Соловьёва о Рюккерте как предшественнике Данилевского, а Бердяев утверждал: «Культурно-исторические типы Данилевского очень подходят на души культур Шпенглера, с той разницей, что Данилевский лишен огромного интуитивного дара Шпенглера» (Бердяев Н.А. Предсмертные мысли Фауста // Освальд Шпенглер и Закат Европы. М., 1922. С. 63).

В советской исторической науке, что неудивительно, Данилевский трактовался, как идеолог «царского империализма и шовинизма». Уже первый официальный советский историк, академик М.Н. Покровский «обнаружил» влияние политических и геополитических стратегий

Данилевского на политику Александра III и К.П. Победоносцева (Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923). В целом, критически-уничижительное отношение к наследию Данилевского сохранялось на протяжении почти всего существования Советского Союза. Однако в научной литературе писали о Данилевском достаточно много, в основном в критических работах по «буржуазной» историографии.

В русской эмиграции отношение к автору «России и Европы» повторяло дореволюционную ситуацию. Большая часть либеральной эмиграции выступала с критикой идеи Данилевского, а иногда просто повторяла домыслы Соловьёва, напр., Н.О. Лосский (История русской философии. Нью-Йорк, 1951), В.Н. Ильин (Москва – Третий Рим // Новый журнал. 1960; Россия между Европой и Азией // Новый журнал. 1962), Ю.П. Иваск (Константин Леонтьев (1831 – 1891). Жизнь и творчество. Берн; Франкфурт-на-Майне, 1974). Иваск написал довольно критическое предисловие к единственному эмигрантскому изданию «России и Европы» на русском языке, вышедшему в 1966 году в Нью-Йорке. Их оппоненты пытались адаптировать наследие Данилевского к ситуации послереволюционной катастрофы. Так, безусловно, Данилевский оказал колоссальное влияние на евразийство, о чём много писали, как сами евразийцы, так и их оппоненты (см.: Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. Париж, 1955). Думаю, что влияние Данилевского тут было не только содержательным, но и формальным (как и в случае с К.Н. Леонтьевым), ибо название первой большой работы Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» прямо отсылает читателя к «России и Европе». Очевидным остаётся и влияние, возможно опосредованное (через евразийство), автора «России и Европы» на такого оригинального историка как Лев Николаевич Гумилёв. Активными пропагандистами наследия Данилевского, в том числе и натурфилософского, были на Западе социолог Питирим Сорокин (Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992) и филолог Роман Jakobson (Язык и бессознательное. М., 1996). Но что верно отметила новомученица, мать Мария (Елизавета Скобцова): «И, собственно, рассматривая многие противоречия позднейших русских мыслителей мнениям славянофилов, основная линия общего сходства довольно наглядно бросается в глаза: это выдвижение на первый план, в качестве исторического субъекта, самого русского народа. Этой общей линией могут быть объединены такие противоречивые мыслители, как Герцен и Соловьёв, Достоевский и революционные народники, Бакунин и Данилевский и т.д.» (Скобцова Е.Ю. К истокам // Современные записки. Париж, 1929. Т. XXXVIII. С. 499).

После падения советской власти интерес к идейному наследию Данилевского начал быстро возрастать. Уже в 1991 году в Москве под редакцией С.А. Вайгачёва вышел в свет несколько сокращённый текст «России и Европы». Книга имела громадный для такого рода изданий 90-тысячный тираж. В 1995 году в Санкт-Петербурге вышло ещё одно издание книги, с содержательной вступительной статьёй А. Галактионова

«Органическая теория как методология социологической концепции Н.Я. Данилевского в книге «Россия и Европа». Через три года под редакцией А.В. Ефремова были опубликованы политические статьи русского мыслителя, под заголовком «Горе победителям» (М., 1998). А в 2015 году в Москве напечатали «Дарвинизм».

В последние пятнадцать-двадцать лет, почти каждый год, переиздают работы Данилевского, прежде всего «Россию и Европу», а в юбилейном 2002 году в Москве вышло целых два издания этого труда. Интерес к идеям Николая Яковлевича привёл к появлению огромного количества статей и книг, ему посвящённых. Из книг, посвящённых только Данилевскому, по моему мнению, следует выделить монографии: Балувев Б.П. «Споры о судьбах России. Н.Я. Данилевский и его книга “Россия и Европа”» (М., 1999), Ефремов А.В. «Борьба за историю: Концепция Н. Я. Данилевского в оценке современников» (М., 2006). Первая из указанных работ – самое полное, на сегодняшний день, описание жизни и трудов Николая Яковлевича Данилевского из всего созданного отечественными авторами. Вторая работа – максимально подробное изложение дискуссий вокруг наследия Данилевского в дореволюционной России.

За пределами России имя Данилевского довольно быстро получило известность – сначала в славянских странах, а затем и на германо-романском Западе. Уже в 1890 году в Бухаресте на французском языке вышло сокращённое издание «России и Европы». Строившему антропософский Гётеанум Андрею Белому, как только началась Первая мировая война, немецкие друзья заявили, будто Россия «отравлена» учением Данилевского. Впрочем, монографические исследования, посвящённые Данилевскому, появились лишь в эпоху Холодной войны, что не могло не наложить на них особого отпечатка. Содержательный разбор этой темы содержится в статье Ю.С. Пивоварова «Николай Яковлевич Данилевский. Проблема целостности этико-политических воззрений» (Русская политическая мысль второй половины XIX в. М., 1989). Добавлю, первую из западных монографий, посвящённых Данилевскому, написанную эмигрантским автором Александром Шелтингом (Россия и Европа в исторических работах. Берн, 1948; нем. яз.), русский философ Иван Ильин справедливо охарактеризовал как «...сущий образец презрения к русскому народу и ненависти к Православию» (Ильин И.А. Собр. соч. в 10 т. М., 1993. Т. 2 (1). С. 297). Самым значимым трудом по Данилевскому до сих пор считается книга Р. МакМастера «Данилевский: Русский тоталитарный философ» (Кембридж; Массачусетс, 1967; англ. яз.). Американский учёный попытался объяснить мотивации Данилевского, используя модные на Западе фрейдистские концепции, да ещё объявил его «тоталитарным философом». В принципе, практически все западные авторы, пишущие о Данилевском, совпадают в оценке его идей с советскими словарями и энциклопедиями. Единственное отличие заключается в том, что советская наука писала о влиянии «России и Европы» на царских политиков, а западные добавляют к ним Сталина, а иногда и Ленина с Гитлером.

Жизнь и труды Данилевского пришлись на время, которое с полным основанием называют «золотым веком» русской культуры. Сам Николай Яковлевич был частью этой культуры и с лицейской юности общался с её лучшими представителями. Возможно, он видел Пушкина, когда тот посетил лицей незадолго до своей трагической гибели. Напомню, гениальный поэт был автором строк, будто взятых из «России и Европы». Александр Сергеевич, комментируя второй том «Истории русского народа» Н.А. Полевого писал: «Россия никогда не имела ничего общего с остальной Европой... история ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада» (Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 5. М.; Л., 1936. С. 340). Следует отметить, Данилевский лично знал крупнейших представителей русской культуры и на многих из них его идеи оказали значительное влияние.

Молодым человеком Данилевский, на квартире поэта А.Н. Плещеева, в 1845 году познакомился с Достоевским. Знакомство продолжилось на «пятницах» Петрашевского. После разгрома общества связь прервалась и восстановилась лишь через много лет, в декабре 1872 года. Когда поэт А.Н. Майков сообщил Достоевскому о выходе первых глав «России и Европы», Федор Михайлович вспомнил Данилевского, написав: «Ведь это тот Данилевский, бывший фурьерист по нашему делу? Да, это – сильная голова» (Достоевский Ф.М. Сочинения в 30 т. Л., 1985. Т. 28. С. 273). Достоевский сразу оценил значение «России и Европы» и считал, что «...это – будущая настольная книга всех русских надолго...» (Достоевский Ф.М. Сочинения в 30 т. Л., 1986. Т. 29 (1). С. 30). Много раз писалось о влиянии идей Данилевского на прозу Достоевского, с чем нельзя не согласиться (см.: МакМастер Р. Данилевский: Русский тоталитарный философ. Кембридж, 1967; Иваск Ю.П. Указ. соч.). В романе «Бесы» раскаявшийся нигилист Шатов (возможным прообразом которого был Данилевский) в знаменитом разговоре со Ставрогиным не только излагает идеи Данилевского, но и делает это языком близким к «России и Европе». Кроме того, очевидно «присутствие» Данилевского на страницах «Дневника писателя». К. Мочульский в известной работе о Достоевском отметил: «...идеология “Дневника писателя” выработывалась в переписке с А.Н. Майковым» (Мочульский К.В. Гоголь. Соловьёв. Достоевский. М., 1995. С. 383). Но Майков находился под сильным влиянием Данилевского. Близкая знакомая семьи Майковых А.П. Шнейдер вспоминала, что члены небольшого кружка, в который входили и братья А.Н. и Л.Н. Майковы, собирались, «группируясь около Н.Я. Данилевского, автора “России и Европы”, и проводили вместе недели в имении Данилевских Мшатка в Крыму, на берегу Черного моря» (РГАЛИ. Ф. 909. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1). Впрочем, можно согласиться с эмигрантским литературоведом Д.В. Гришиным, отмечавшим, что о влиянии на «Дневник писателя» идей Данилевского следует говорить, лишь учитывая то, что «Данилевский сам был петрашевцем и увлекался учением Фурье»

(Гришин Д.В. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского. Мельбурн? 1996. С. 132). Два выдающихся современника, начавших свой путь с радикализма петрашевского кружка, стали затем страстными защитниками традиции, а значит, и культуры, ибо, по замечанию Н.А. Бердяева: «Русское восточничество, русское славянофильство было лишь прикрытой борьбой духа религиозной культуры против духа безрелигиозной цивилизации» (Бердяев Н.А. Предсмертные мысли Фауста // Освальд Шпенглер и Закат Европы. М., 1922. С. 66).

Куда меньшими по времени и интенсивности общения, но все же довольно близкими оказались отношения Данилевского с другим выдающимся современником – Львом Николаевичем Толстым. Единственная встреча между ними состоялась незадолго до смерти Данилевского, 19 марта 1885 года. В тот день Толстой посетил крымское имение Данилевских Мшатку. В письме Н.Н. Страхову писатель сообщал: «Был в Крыму и поехал к Данилевскому. Он очень мне понравился и его жена» (Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 63. С. 220). Несмотря на то, что личное знакомство Толстого и Данилевского было коротким и произошло поздно, они давно знали друг о друге. Л.Н. Толстой публиковался в «Заре», а главное, между ним и Данилевским стоял Н.Н. Страхов, близкий обоим. В 1869 году, когда был опубликован журнальный вариант «России и Европы», вышла и последняя часть «Войны и мира». Обе вещи были очень близки идейно, почти до текстологических совпадений. Критики «освободительного движения» немедленно обвинили Л.Н. Толстого в «сумбуре славянофильства». Н.В. Шелгунов, ранее боровшийся с Данилевским, опубликовал посвященную «Войне и миру» статью, названную «Философия застоя», в которой писал: «неопытный читатель под розовыми листьями рассмотрит не скоро сумбур славянофильства и тяготение к Востоку» (Шелгунов Н.В. Философия застоя // Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» в русской критике. Л., 1989. С. 349). Выход в свет «Анны Карениной» вызвал новую волну обвинений в адрес Л.Н. Толстого. Роман считался почти порнографическим, что сказало на его восприятии даже такими мастерами как М.Е. Салтыков-Щедрин и Н.А. Некрасов.

Одним из тех, кто оказался на стороне писателя, был Н.Я. Данилевский. Он восхищался романом, о чем Страхов немедленно сообщил Толстому, прибавив еще фразу Данилевского о писателе: «...он сам – еще лучшее произведение, чем его художественные произведения (Толстовский музей. СПб., 1914. Т. 2. С. 36). Толстой ответил: «О романе, что Вы мне писали, одно меня порадовало – это суждение Данилевского», «как радостно узнать, что есть люди, как Данилевский, понимающие красоту» (Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 62. С. 164). Лев Николаевич внимательно следил за трудами Данилевского. В письмах Страхову писатель просит его о посылке отдельного издания «России и Европы», а затем статей на политические и историософские темы. Когда в конце 80-х годов вокруг наследия Данилевского начались жаркие споры, разделившие русское общество, Толстой был одним из тех людей, с которым защитник

Данилевского, Страхов, делился своими планами и мыслями. И хотя к этому времени Толстой уже во многом изменился в сравнении с 60-ми годами, он, в сущности, поддержал Страхова, что хорошо видно из их переписки того времени.

Несомненное влияние идей Данилевского заметно в творчестве еще одного крупного русского писателя XIX века – А.Ф. Писемского. Присущее Писемскому своеобразное «народничество», совмещенное с неприятием нигилизма разночинцев, делало его близким к славянофилам. Когда «Россия и Европа» стала печататься в «Заре», параллельно с ней началась публикация большого романа А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов». В этом, во многом биографическом, романе Писемский несколько изменял по ходу издания образ главного героя – Павла Вихрова, выстраивая его диалоги уже под впечатлением только что прочитанных глав книги Данилевского. Очень важным открытием для писателя стала теория культурно-исторических типов. Как отметил С.Н. Плеханов: «Писемского увлекли первые же страницы труда Данилевского, печатавшиеся “по соседству” с его романом. Он отчеркнул ногтем на полях то место трактата, где ученый сформулировал относящиеся к выведенным им культурно-историческим типам законы исторического развития» (Плеханов С.Н. Писемский. М., 1986. С. 233). В 1869 году Писемский просил Страхова: «Обращаюсь к Вам с превеликою моею просьбою: я в романе моем теперь дошел до того, чтобы сгруппировать и поименовать перед читателями те положительные и хорошие стороны русского человека, которые я в массе фактов разбросал по всему роману, о том же, или почти о том же самом, приходится говорить и Данилевскому, как это можно судить по ходу его статей («России и Европы». – А.Е.). Вы, кажется, знаете их содержание: не можете ли Вы хоть вкратце намекнуть мне о тех идеалах, которые, он полагает, живут в русском народе, и о тех нравственных силах, которые по преимуществу хранятся в русском народе, чтобы нам поспеться на этот предмет и дружнее ударить для выражения направления нашего журнала. Вообще, статьи г-на Данилевского производят в мыслящих кружках здесь большое впечатление» (Писемский А.Ф. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. С. 234).

Константин Николаевич Леонтьев, пожалуй, крупнейший представитель русского традиционализма второй половины XIX века и талантливый литератор, называл Данилевского своим учителем. Леонтьев был всего на десять лет моложе Данилевского и имел с ним много общих друзей и знакомых, однако встретиться лично им не довелось. Данилевский, как ни странно, никогда не отзывался о работах К.Н. Леонтьева, хотя одна из первых больших статей Константина Николаевича, «Грамотность и народность», была опубликована в «Заре» в 1870 году (№ 11, 12), т.е. всего через год после «России и Европы». Более того, ни в трудах, ни в известных письмах Н.Я. Данилевского нет упоминания имени Леонтьева. Тем не менее, имена обоих мыслителей как минимум с 90-х годов XIX века стали упоминаться вместе, и в истории русской мысли оба остались, прежде всего, как крупнейшие идеологи национальной самобытности. Историко-

философские взгляды К.Н. Леонтьева изначально имели некоторое сходство с взглядами Данилевского. Врач по профессии, Леонтьев, так же как ученый-биолог Данилевский, полностью не отделял органическую жизнь от жизни исторической. «Ум мой, – писал Леонтьев, – воспитанный с юности на медицинском эмпиризме и на бесстрастии естественных наук, пожелал рассмотреть и всю историческую эволюцию человечества и, в частности, наши русские интересы на Востоке, с точки зрения особой, естественно-исторической системы...» (Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1996. С. 525). Познакомившись с «Россией и Европой» уже зрелым, 38-летним человеком, Леонтьев был в восторге. В письме Н.Н. Страхову он сообщает: «...статья Данилевского превосходна, я ее прочел раза три и еще буду читать» (Леонтьев К.Н. Избранные письма. СПб., 1993. С. 73). С этого времени (1870 г.) Леонтьев, по собственному признанию, становится «учеником и ревностным последователем нашего столь замечательного и (увы!) до сих пор одиноко стоящего мыслителя Н.Я. Данилевского, который в своей книге “Россия и Европа” сделал такой великий шаг на пути русской науки и русского самосознания, обосновавши так твердо и ясно теорию смены культурных типов в истории человечества» (Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1996. С. 81).

Историософия Данилевского постепенно стала одной из основ социально-философской концепции Леонтьева. Восприняв основные выводы и методологию Данилевского, Леонтьев, однако, не просто повторял, а развивал его идеи, создав во многом оригинальную концепцию мировой истории. В частности, Леонтьев, выделив три этапа развития культурно-исторического типа: подготовительный, период цветущей сложности и период вторичного смесительного упрощения, изменил некоторые аспекты самого взгляда на существование культурно-исторического типа во времени. К биологизму Данилевского эта схема добавляла специфически леонтьевский культурологический эстетизм.

Леонтьев, как независимый ученик, не принял присущего Данилевскому политического панславизма, который он считал рудиментом либерализма. Выводы Леонтьева не только часто расходились с выводами и стремлениями Данилевского, но иногда им даже противоречили. В частности, оценка Леонтьевым потенций исторического творчества славян вполне пессимистична и даже скептически презрительна. «И если даже допустить, что романо-германский тип, несомненно разлагаясь, уже не может в нынешнем состоянии своем удовлетворить все человечество, то из этого вовсе не следует, что мы, славяне, в течение ста лет не проявившие ни тени творчества, вдруг теперь, под старость, дадим полнейший 4-основной культурный тип, как мечтает и даже верит Данилевский» (Леонтьев К.Н. Избранные письма. СПб., 1993. С. 552-553).

Влияние «России и Европы» на Леонтьева было не только идейным, но отчасти и литературным. Во всяком случае, ставшая самой знаменитой леонтьевская фраза «надо подморозить немного Россию, чтобы она не гнила» (Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1996. С. 246) восходит к

тексту «России и Европы». «Магометанство, наложив свою леденящую руку на народы Балканского полуострова, заморив в них развитие жизни, предохранило их, однако же... от потери нравственной народной самобытности» (Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 269). Уже после смерти Данилевского Леонтьев принял участие в знаменитом споре, посвященном наследию Данилевского, и активно пропагандировал «Россию и Европу» среди своих друзей и знакомых.

Историософия Н.Я. Данилевского нашла художественное воплощение в трудах известного писателя К.К. Случевского. Отношения Данилевского и Случевского уже рассматривались в отечественной науке Е. Тахо-Годи в книге «Константин Случевский. Портрет на пушкинском фоне», изданной в Санкт-Петербурге в 2000 году, поэтому имеет смысл коснуться лишь нескольких основных моментов. К.К. Случевский был лично знаком с Н.Я. Данилевским, и знакомство это состоялось, по всей видимости, благодаря Н.Н. Страхову. Так, когда Страхов устроил чтение А. Майковым своей поэмы «Княжна», поэт и ученый оказались среди приглашенных. В письме О.Ф. Миллеру (декабрь 1876 года) А. Майков писал об этом событии: «Страхов, слушавший раз речь, собрал на прошлой неделе человек десять – Кускова, Данилевского (Николая, «Европа и Россия»), Семенова, Покровского, Случевского, Ратынского (знаете Вы этого? очень тонкий эстетик), Зверева (Ив. Павл., русская история) и пр.<...> успех чтения превзошел все ожидания» (Письмо А.А. Майкова к О.Ф. Миллеру // Ежегодник РО ИРЛИ. 1978. Л., 1980. С. 192). 14 октября 1880 года К.К. Случевский был в салоне Е.А. Штакеншнейдер, где обсуждался писавшийся тогда Н.Я. Данилевским «Дарвинизм». Имя Данилевского только один раз упоминается в художественных произведениях К.К. Случевского, в его прозаическом произведении «Исторические картинки», однако пьеса Случевского «Поверженный Пушкин», по мнению Е. Тахо-Годи, «в какой-то мере художественная реализация исторических произведений Н.Я. Данилевского» (Тахо-Годи Е. Константин Случевский. Портрет на пушкинском фоне. СПб., 2000. С. 292). Для подобной точки зрения существуют веские основания. Содержание «Поверженного Пушкина» состоит в описании борьбы России, которой суждено «стать оплотом последнего огня», и Запада, в результате которой славяне обретают столь долго чаемое единство.

Отныне нас сливает воедино,
Кровь, нами пролитая братски заодно.
Единый дух – одна большая сила.

Борьба славян с Западом, как и у Н.Я. Данилевского, оборонительная, а обреченная всеславянская общность сохраняет самобытность славянских народов, что «у Случевского подчеркнуто не только национальной принадлежностью персонажей, но и тем, что с приближением победы

русский народ обращается к своим национальным святыням» (Тахо-Годи Е. Константин Случевский. Портрет на пушкинском фоне. СПб., 2000. С. 295).

Таким образом, К.К. Случевский в своей пьесе художественными средствами воспроизводит политическую футурологию Н.Я. Данилевского, причем не внося в нее каких-либо существенных поправок.

Другой выдающийся национальный поэт – Афанасий Фет тоже был поклонником теории культурно-исторических типов. Лично близкий и В.С. Соловьеву, и Н.Н. Страхову в споре о теории Н.Я. Данилевского поэт оказался полностью на стороне последнего, хотя и не выступал по этому поводу в печати. В письме Н.Я. Гроту Фет сообщал, что «собственно из Данилевского мне понравились культурные типы отдельных народностей с общей сокровищницей печатной грамотности, сохраняющей предания отдельных культур, но нимало не представляющих того органического поступательного прироста, который мы видим в деревьях до известного времени» (цит. по: Генералова Н.П. И.С. Тургенев: Россия и Европа. СПб., 2003. С. 506). На смерть Данилевского, Афанасий Афанасьевич откликнулся прекрасным стихотворением. Фёдор Иванович Тютчев, не только поэт, но и яркий политический мыслитель писал В. Ламанскому: «В Данилевском удалось мне встретить и приветствовать ревнителя в уровень с моими чаяниями и притязаниями» (Тютчев Ф.И. Сочинения в 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 242).

В 1872 году Иван Сергеевич Тургенев публикует свою знаменитую повесть «Вешние воды». По мнению Георгия Кнабе, «контрастное сопоставление двух культурно-исторических стихий – России и Запада» и относительно негативное изображение немцев в этом произведении автором-западником – следствие того, что «...атмосфера, окружавшая Тургенева в пору написания повести (1870 – 1871), была пронизана уже высказанными к этому времени идеями Н.Я. Данилевского, а несколько позже – Ф.М. Достоевского и Леонтьева» (Кнабе Г.С. Проблемы границ текста // Избранные труды: Теория и история культуры. М., 2006. С. 186).

Интереснейшим сюжетом интеллектуальной истории России является восприятие историософии Данилевского оригинальнейшим мыслителем и писателем Василием Розановым. С юности В.В. Розанову было знакомо имя Н.Я. Данилевского. В ответах Василия Васильевича на анкету нижегородской губернской архивной комиссии он сообщил, что его старший брат «был умеренный, ценил Н.Я. Данилевского и Каткова» (Розанов В.В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 768).

Тесное общение В.В. Розанова с Н.Н. Страховым, главным пропагандистом теории культурно-исторических типов, конечно же, повлияло на восприятие Розановым всего комплекса идей Данилевского. Н.Н. Страхов, оценив способности В.В. Розанова, сразу привлек его к своему спору с В.С. Соловьевым. Уже в 1889 году в пятом номере «Русского вестника» печатается статья В.В. Розанова «Вопрос происхождения организмов», посвященная полемике вокруг натурфилософии Н.Я. Данилевского. В августе 1891 года «Московские ведомости» публикуют

работу В.В. Розанова «Европейская культура и наше отношение к ней» (в последующих изданиях – «Европейская культура и наше к ней отношение»). В.В. Розанов полемизировал не столько с сотрудничавшими в «Вестнике Европы» Е.И. Утиным и К.К. Арсеньевым, сколько с главным тогда критиком славянофильства В.С. Соловьевым, также большую часть своих статей на эту тему поместившим в «Вестнике Европы». Философию истории Данилевского Василий Васильевич считал систематизацией учения славянофилов: «Высказанное впервые И. Киреевским, развитое и углубленное Хомяковым, возведенное в систему Н.Я. Данилевским, – писал он, – учение это продолжает развиваться до сих пор» (Розанов В.В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского М., 1996. С. 476). По мнению В.В. Розанова, противники славянофильства не имеют сочинения, целостно излагающего их основные мировоззренческие принципы. «На какой труд, – пишет Розанов, – подобный, например, “России и Европе” покойного Н.Я. Данилевского по сложности, по системе развиваемой мысли, могут указать “западники” в своем лагере?» (Розанов В.В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского. М., 1996. С. 179).

В конце XIX века В.В. Розанов, по целому комплексу причин, явно отходит от славянофильства, усиливая этот отход печатной критикой славянофилов всех поколений. «Хомяков, оба Аксакова, Киреевский, Данилевский, Страхов – ничего кислого, горького, терпкого», – писал (совершенно не справедливо) он в это время (Розанов В.В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского. М., 1996. С. 449). Следует отметить, что временное ренегатство Розанова имело и особые, психологические, причины. Как и К.Н. Леонтьев, В.В. Розанов был «чужим среди своих», и его темперамент, его стиль, его мироощущение были во многом противоположными благодушно-народопоклонническому мироощущению аристократов хомяковского кружка и научно-рациональному мироощущению окружения Н.Я. Данилевского. Тем не менее, в дальнейшем Василий Васильевич не только заново и очень высоко оценил русское почвенничество, но горько сожалел о его недостаточной востребованности обществом. «Как задавили эти негодяи Страхова, Данилевского, Рачинского... задавили все скромное и тихое на Руси, все вдумчивое на Руси», – писал он о критиках идеи нашей национальной самобытности (Розанов В.В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского. М., 1996. С. 639). Безусловно, не будет преувеличением утверждение, что идейное наследие Данилевского, вопреки всем попыткам его дискредитации, оказало значимое влияние на большую русскую литературу.

Ефремов А.В.,
к.ист.н., доц. Московского педагогического государственного университета